

НЕИСПРАВНАЯ АННА

2

ТАТА
АЛАТОВА

18+

Тата Алатова
Неисправная Анна Том 2

«Автор»

2026

Алатова Т.

Неисправная Анна Том 2 / Т. Алатова — «Автор», 2026

Петербург 1890 года: паровые механизмы и тайные приюты. Она – механик с каторгой за плечами. А он следит за каждым ее шагом. Тягучий роман в стенах уголовного сыска.

© Алатова Т., 2026

© Автор, 2026

Тата Алатова

Неисправная Анна Том 2

ГЛАВА 01

Глаза медленно привыкают к полумраку — здесь горит только несколько свечей и совершенно нет окон, отчего хочется распахнуть дверь и впустить немного дня внутрь.

Грубые половицы скрипят и прогибаются под ее ногами, когда Анна неуверенно движется вперед. Иконы старые, потемневшие, грозные.

Священника не видно, и от этого еще страшнее. Как будто ее заперли в полном одиночестве и выбраться на свободу уже не получится. Станция «Крайняя Северная» — небольшая, напичканная механизмами коробка среди льдов — вдруг перестает быть воспоминанием и становится действительностью. Анна уже хочет наплевать на расследование и бежать отсюда со всех ног, но замечает замызганную фуфайку, висящую на стене, и безо всякого стеснения срывает ее с гвоздя, накидывает на себя.

Так гораздо теплее, и сердце успокаивается, перестает бешено колотиться. Это всего лишь часовня на заднем дворе богадельни. Она в Петербурге. Стоит ей захотеть — и окажется в теплой квартире Голубева.

Она всё еще вольна распоряжаться своей жизнью.

— Я вижу, дочь моя, ты привыкла брать чужое без спроса, — раздаётся тихий вкрадчивый голос, и в небольшом проеме за аналоем появляется невысокая худая фигура, закутанная в черное.

— Холодно, — объясняет Анна. Прохоров наставлял не казаться излишне смиренной, а оставаться самой собой — «озлобленной и решительной». Эти эпитеты она припрятала на потом, решив пока не слишком много думать о том, какой видит ее старый сыщик и сколько в этом правды.

— Подойди, чадо, — велит священник, и она послушно приближается к нему. Это зрелый мужчина с необычайно яркими голубыми глазами. Длинная неопрятная борода отдает рыжиной. Ряса дешевая, потрепанная, наперсный крест — тусклый, тяжелый.

— Оставь суетные помыслы и вспомни, чем пред богом и совестью согрешила, — нараспев велит он, пренебрегая всеми канонами: и молитвами, и говением.

Анна перебирает длинный список своих проступков и выбирает то, с чего всё началось:

— В блюде грешна. Отдалась мужчине без венчания.

— Каешься ли в сем?

Столько сил ушло на то, чтобы не оглядываться назад, но теперь Анна задается самым бесполезным вопросом в мире — а если бы она устояла тогда? Если бы не откликнулась на предложение Раевского взломать поющего паяца в Летнем саду? Если бы не влюбилась в самого красивого, умного и обаятельного мужчину, которого можно только вообразить? Если бы...

— Каюсь, — угрюмо соглашается она.

— В чем же еще?

Анна опускает голову, разглядывает покрытые шрамами руки священника со сбитыми костяшками и думает о том, что она действительно может однажды покаяться... Только не сегодня. Не там, где она чувствует опасность и принуждение. Не потому, что ее отправил сюда Прохоров.

— За остальные свои преступления я уже раздала долги, — говорит она резко. — Восемь лет каторги, батюшка, кажется, достаточно строгое наказание?

— Но ведь мы говорим не о наказании, — возражает он спокойно. — Мы говорим о покаянии.

— Много ли вы видели бывших каторжников, которые пришли к богу? — спрашивает она с усмешкой.

— Посмотри на себя, — в смирении его голоса ей чудится издевка. Или это отзвуки ее собственных чувств? — Ты всё еще полна строптивости и гордыни — очевидно, восьми лет недостаточно. Ну хорошо, расскажи мне, что ты натворила.

— Вскрывала сейфы.

— Редкое умение. Откуда оно у тебя?

— Мой отец был механиком.

— Отчего же ты здесь, а не дома?

— Семья отреклась от меня. Теперь я сама по себе. Никто не знает, что я вернулась в Петербург... Сохраните ли вы мою тайну?

— Я обязан молчать о том, что услышал на исповеди.

По мнению Анны, происходящее больше напоминает допрос.

— Я здесь нелегально, — шепчет она. — Сняла угол у какой-то старухи на Вяземке, но мне больше нечем платить ей. Еще шаг — и я окажусь на улице.

— И что же ты намерена делать?

— Просить о милости, — Анна поднимает на священника взгляд, — или же... о какой-нибудь работенке?

— О тебе позаботятся, дочь моя, — ласково заверяет ее священник.

Суп невкусный, но горячий. Анна глотает его под бдительным взглядом Аграфены, до слез закашливается, скрывая отвращение.

В столовой по-прежнему многолюдно, смрадно, громко. Главное, не смотреть по сторонам, чтобы чужие увчья, язвы, бедность не вызвали нового спазма дурноты.

Наконец, она встает из-за длинного стола, ухватив напоследок несколько ломтей хлеба и распахав их по карманам пальто.

— Мы дадим тебе место, — сообщает Аграфена. — Пока поживешь в общем женском доме, а там посмотрим. Правила у нас строгие, но ты привыкнешь.

Они снова выходят во внутренний двор, проходят мимо часовенки к дальним строениям. Анна глубоко и с облегчением дышит свежим морозным воздухом, стреляя глазами по сторонам.

Несколько людей чистят снег, женщина торопится с ведром помоев, мужчины катят какие-то бочки. Дети играют в снежки, и их звонкие крики разгоняют зловещие призраки.

Женский дом — угловая часть здания, защищенная деревянным забором. Аграфена толкает калитку, поясняя:

— На ночь она закрывается.

Анна останавливается, разглядывает щеколду и не верит своим глазам:

— Снаружи?

— Мы чтим благопристойность, — поджимает губы Аграфена.

— Запирая женщин?

— Гордыня и строптивость, — повторяет гримза вслед за священником. — Ну ничего, мы это исправим.

Анна ежится, радуясь, что ночевать ей здесь не придется. Прохоров строго-настрого велел уходить еще до ужина.

— Дальше у нас живут девочки-сироты, несчастные создания, — рассказывает Аграфена, — мальчиков мы держим отдельно, у них свое здание вниз по улице.

— Это девицы у вас так ловко снежками пуляются? — оглядывается Анна во двор.

— Им тоже следует учиться постоять за себя. Жизнь страшна и полна опасностей.

С этим трудно не согласиться.

В женском доме три комнаты, в каждой по шесть узких кроватей. На каменных полах — ни коврика, ни половика. Те же серые стены, узкие окна, в которые протиснется разве что кошка. Распятая, иконы.

Поневоле вспоминается монастырь на Карповке, и Анна пытается себе представить, как выглядит мамина келья. Так же неудобно?

— Сейчас все на работах, — Аграфена подходит к одной из кроватей, — можешь оставить свою сумку здесь. Тихон проводит тебя на Вяземку, чтобы ты попрощалась со старухой, которая сдавала тебе угол.

— А Тихон зачем? — хмурится Анна.

— Старуха может всполошиться, если ты не вернешься. Не дай бог, побежит в полицию. А я так понимаю, шумиха тебе ни к чему? — прищуривается Аграфена.

Вот тебе и тайна исповеди, мысленно усмехается Анна. Вслух же она произносит с беспокойством, которое вполне искренно, хоть и имеет другую природу:

— Да кто же с Вяземки бежит в полицию!

— Всё одно проводит.

Такого Анна не ожидала. Здесь ведь не всех сирых бдительно опекают, многие просто столуются и уходят.

— Я там задолжала немного... — юлит она. — Двадцать копеек всего, да только и тех нету.

— Тем более надо вернуться и заплатить, — решает гримза. — Но ты же не думаешь, что я дам тебе денег и отпущу с глаз своих... А долг потом отработаешь.

— Отработаю, — соглашается Анна. — Я могу чинить механизмы. Устроюсь к часовщику или еще к кому-нибудь...

— Мы сами тебя устроим. Жди покамест здесь. Тихон придет за тобой.

Аграфена награждает ее еще одним строгим взглядом и неторопливо покидает женский дом. Анна несколько минут стоит посреди комнаты, соображая, что теперь.

Потом осторожно заглядывает в сундуки — тряпье, жития святых.

Обходит комнату за комнатой в поисках хоть какой-то личной вещи — расчески, зеркала, записной книжки, но ничего такого не находит.

Анна медлит, уговаривает себя: во двор-то ей соваться не запрещали. Сначала она пытается заглянуть на сиротскую часть через щели в заборе, но там никого не видно. Потом с самым невозмутимым видом выходит за калитку.

Едва удерживается от желания сбить щеколду камнем — запирает живых людей снаружи, ха!

Детей, играющих в снежки, больше не видно. Зато она замечает девочку лет семи, которая точно так же, как Анна минуту назад, прилипла к забору, надеясь что-то за ним разглядеть. Она одета небогато, но аккуратно, а яркие вязаные варежки, шапка, шарф буквально кричат о чьей-то заботе.

— Что там? — спрашивает Анна, подходя ближе.

Девочка подскакивает и резво отлипает от забора. У нее круглая сытая мордашка, ясная и проказливая.

— Не видно, — жалуется она с огорчением. — А я так хотела посмотреть на жонглера.

— Жонглера?

— Танцора.

— Я ничего не понимаю, милая, — признается Анна.

— Он только с сиротками возится, — поясняет девочка, — а у меня бабушка.

— Бабушка — это хорошо.

— Хорошо, — понуро бормочет девочка, — только она старая и ворчит всё время.

Жаль, что ее нечем угостить и разговорить. Но помимо сладостей можно подкупить ребенка и по-другому.

— Так мы хотим заглянуть за забор? — Анна идет вдоль деревянных досок, пока не замечает ту, которая совсем плохо закреплена. Она дергает ее на себя, и с пронзительным треском доска отходит.

Девочка восторженно ойкает.

— Ты знаешь Тихона? — спрашивает ее Анна, снова рассматривая двор.

— Я тут всех знаю.

— Это не он? — Анна указывает на крупного мужчину, лениво бредущего к каким-то хозяйственным строениям.

— Это блаженный Мишка, — снисходительно говорит девочка, — он взрослый, но глупый. Бабушка говорит, потому что его уронили.

— Увидишь Тихона, скажи мне, — просит Анна. Она не очень часто имела дела с детьми, но Раевский как-то объяснял, что с ними надо как с прислугой: говорить твердо и спокойно, не позволяя усомниться, что тебя надо слушаться.

— А зачем вам Тихон? Вас кто-то обижает?

— Пока нет, — Анна подтаскивает деревянный ящик к дыре у забора, садится на него и приглашающе хлопает рукой рядом. Девочка охотно пристраивается у нее под боком.

— Тихон хоть кому даст в зубы, — весело щебечет она. — Он сильный.

В общем, Анна и так не сомневалась, что на Вяземку с ней отправится кто-то с навыками «в зубы».

— Так что вы с бабушкой здесь делаете?

— Приносим пироги для бездомных. Бабушка постоянно за кого-то переживает... Летом у меня были вши, — гордо добавляет она. — Потому что мы блаженны духом.

— Ого, — уважительно говорит Анна. — А жонглер или танцор такой же сильный, как Тихон?

— Мы со Стешкой думаем, что он князь...

— Как — князь? — изумляется Анна.

— Переодетый, — таинственно округляет глаза девочка. — Вот такой, — и она манерно крутит запястьями, растопыривая пальцы. Задирает нос и поводит плечом.

Это совсем загадочно, и остается только надеяться, что Прохоров не поднимет такую незатейливую свидетельницу на смех.

В дыре виден кирпичный кусок здания с крепкой железной дверью. Если поднять глаза вверх, взгляд упирается в окна второго этажа, забранные решетками. Кажется, девочки-сироты склонны к побегам.

— Я прошу-прошу бабушку, чтобы мне тоже можно было жить там, — девочка обиженно кивает на дыру в заборе. — Там весело.

— Откуда ты знаешь?

— Мы со Стешкой подглядывали. Она порченная, со шрамом на лице, говорят, дорога ей в прачки или стряпухи, другого толка не будет. Ну, из-за шрама. А других девочек учат разному, кого танцам, а кого, — тут она оглядывается, будто боясь увидеть ворчливую бабушку за спиной, — а кого разным фокусам. Вроде как жонглировать или карточным... Но это секрет. Стешка говорит, если я расскажу кому-нибудь, бабушка тут же провалится под землю.

— Тогда никому не рассказывай, — пугается Анна.

Девочка, важная от хранимых в ней тайн, торжественно кивает.

Анна снова оглядывается на двор, не желая быть застигнутой за подглядыванием. Сильного Тихона пока не видно. Должно быть, у него много других дел...

— Уй! — восклицает она, получив ощутимый толчок локтем в бок.

— Простите. Вот он, — восторженно лопочет девочка.

Мужчина лет сорока выходит из здания, прощаясь с тем, кто остается внутри здания. В его движениях есть что-то грациозное и небрежное, он гладко выбрит, щегольски одет и беззаботно смеется, а потом низко склоняется, вероятно, целуя руку женщине, невидимой за открытой дверью.

— С кем это он любезничает? — тихонько спрашивает Анна.

— С Евдокией Петровной, наверное... Она в приюте самая главная, Стешка ее боится... А бабушка говорит — раба божья...

— Как зовут твою бабушку? — уточняет Анна, ведь Прохоров наверняка заинтересуется такой осведомленной старушкой.

— Вдова Старцева, — степенно отвечает девочка.

Мужчина, наконец, легко сбегает с крыльца, а дверь закрывается. За забором снова становится пусто. Девочка вздыхает.

— И где вы живете? — задает Анна новый вопрос.

— Бабушка говорит, что нельзя бездомным говорить свой адрес. Они обязательно придут и укрдут у нас что-нибудь. Ты бездомная?

— Конечно, бездомная. Если бы у меня был дом, разве я пришла бы сюда?

Девочка встает и начинает прилаживать доску обратно. Очевидно, ее интересовал только танцор. Анна спешит на помощь.

— Бабушка не любит, когда я лезу к сиротам, — объясняет девочка. — Но мы всё равно иногда играем со Стешкой, ее-то ничему не учат.

— Обидно, наверное.

— Она надясь так ревела, что обещалась до крови зарезать Евдокию Петровну. А что, Стешке уже десять. Она знаете какая смелая? Говорит, если из нее тоже не сделают даму, подожжет этот... — тут глаза девочки округляются.

Из приюта выходит статная крупная старуха и подозрительно крутит во все стороны головой.

— Бабушка, — с испугом говорит девочка и стрелой несется к ней.

Напрасно Анна пытается разглядеть лицо старухи — та слишком далеко.

Прохоров велел не слишком досаждать здешним обитателям расспросами, а просто оглядеться. Значит ли это, что она сделала достаточно?

Девочка, ставшая соучастницей проказы с заборной доской, вряд ли доложит о разговоре бабушке. Впрочем, ребенок бесхитростен и прямодушен, может, и до гримзы доберутся слухи, что новенькая совала свой нос в приютские дела.

А кто бы не совал? Ведь страшно в незнакомом месте.

Анна не решается дальше бродить по двору, возвращается в женский дом, садится на свою кровать и послушно ждет Тихона.

Его долго нет, и глаза после бессонной ночи слипаются, голова тяжелеет. Анна позволяет себе лечь, чужая фуфайка пахнет дурно, в комнатах гуляют сквозняки. Хоть бы без блох обошлось...

Во сне переодетый князь жонглирует куклами, они то и дело выпадают из его рук...

— Ты, что ль, тут новенькая? — раздаётся хриплое.

Анна вздрагивает и просыпается, поспешно садится, не сводя глаз с угрюмого детины, нависающего над ней. Морда у него злодейского вида, а кулаки пудовые.

— Я Аня, — чуть заискивающе лепечет она.

Он усмехается, обнажая кривые желтые зубы:

— Горазда ты дрыхнуть... Нешто совесть чиста?

— А ты тоже священник? — огрызается она, моментально ошетиливаясь. — Тебе велено проводить и заплатить, а не в душу лезть.

Он прищуривается недобро, но Анна твердо выдерживает этот взгляд.

— Каторгой спесь не сшибло, так наша богадельня собьет, — бурчит он. — Из благородных?

— Была когда-то, — она встает. — А теперь считай что пустое место.

— Благородные тут редкие птицы, — он с нарочитым презрением сплевывает на чистый пол.

— В это сложно поверить.

— Ты тут не умничай, — свирепеет Тихон. — По дороге статьи распишешь, как на духу. Посмотрим, за что тебя караваном отправили...

Анна поднимается, тянется за сумкой, но Тихон цыкает на нее:

— Здесь оставь.

Вот же — вроде и не нужна ей такая память о каторге, а всё равно отчего-то жаль прощаться с привычной ветошью.

— Ты правда живешь в Вяземской лавре? — хмуро спрашивает он, когда они выходят из женского дома.

— Правда.

— Опасное местечко, а? В такую дыру разумные бабы не лезут. Благородная она...

Анна идет вслед за Тихоном и надеется, что всё как-нибудь обойдется.

ГЛАВА 02

Больше всего Анна боится, что не найдет с ходу нужный ей флигель, — на Вяземке ей прежде бывать не доводилось. Это воистину лабиринт из домов-колодцев с переходами и тупиками.

Она проходит под двумя арками Полторацкого переуллка и выходит на пустырь, который со всех сторон подпирают глухие стены. Шаги Тихона за спиной тяжелые, неотвратимые.

Прохоров велел ей искать Тряпичный флигель — его легко узнать по пестрым тканям, которые сушатся на веревках в любое время года. «Это самая яркая примета, — сказал он, — вы не пропустите». А Анна подумала, что он слишком хлопочет, — она же идет в странноприимный дом, а не в притон, кому понадобится за ней следить.

И вот она здесь, под конвоем, и старый сыщик с его манерой думать наперед кажется ей единственной надеждой. Да полноте, ведь не позволит Архаров ей сгинуть безвозвратно под неусыпным бдением гримзы Аграфены!

И всё же тревожно.

Она неуверенно берет правее и выходит к длинному двухэтажному дому, во дворе его тянутся веревки с застывшими на морозе тряпками. От облегчения слезы выступают на глазах, но это еще половина пути.

Дверь открыта, и на мгновение Анна слепнет, оказавшись на узкой темной лестнице безо всяких перил. Ступени прогибаются под весом Тихона, который поднимается следом.

Они оказываются в длинной квартире, где потолки нависают так низко, что вот-вот упадут на голову. Нары перемешаны с кроватями, посредине — длинный трапезный стол. Стены богато украшены — ржавыми подковами, нарядными коробками от конфет, искусственными цветами то ли с кладбищ, а то ли со шляпок, и прочей бесполезной ерундой.

Анна отводит глаза от бесформенных тел на нарах, надеясь, что по крайней мере все они живы. В дальнем углу у окна — скрючившаяся над шитьем старуха.

На мгновение забывается, какое имя назвал Прохоров: Прасковья? Нет, это была модистка. Степанида?.. Вроде как не то. На уме вертится только отчество, и Анна торопливо спасается им:

— Савельевна!

— И чего орешь, — ворчит старуха. — Ба! Ухажера себе завела, девка?

— Она уходит со мной, — заговаривает Тихон низко и угрожающе.

— Долг — пятьдесят копеек, — скрипит Савельевна.

— Двадцать! — возмущенно спорит Анна.

Старуха с неожиданным проворством приближается к ним и хлестко лупит ее рушником по груди:

— А кто мою краяху вчера сожрал? А кто мои пуговицы спер?

— Да сдались мне ваши пуговицы, — Анна пытается укрыться за Тихоном, а он и не вмешивается, ухмыляется только.

Под жадным взглядом старухи он отсчитывает ровно двадцать копеек, и та шипит от злости, не боится такого громилы, отчаянно торгуется.

Тревога перерастает в настоящий ужас: а дальше что? Неужели придется возвращаться со своим конвоиром в богадельню? И не сбежать в этой тесноте, не спрятаться.

Анна бессильно прислоняется к стене, понимая, что и шага обратно не ступит. Прохоров переоценил ее: этот день вымотал ее до предела, и оставаться в чужой личине еще ночь она просто не сможет.

Мастерская кажется тихой, надежной и такой желанной гаванью.

И в это мгновение — судьбоносным грохотом — внизу звучат множественные сапоги с тяжелыми набойками.

Старуха проворно прячет деньги в кулаке и возвращается к шитью, прислушивается, замечает меланхолично:

— Облава, наверное. Всё касатики носятся, всё им нейметя.

Тихон сквозь зубы ругается.

Дверь распахивается, едва не заехав по Анне, и Феофан появляется на пороге.

— А теперь по чью душу явились? — смиренно спрашивает их старуха.

— Проверочная переключка, — скучно говорит Феофан, не глядя на Анну. — Поднимай, хозяйка, своих жильцов с нар да готовь паспортную книжку. Посмотрим, кто у тебя туда вписан.

Тихон крепко берет Анну за плечо и поворачивается к жандарму.

— Ваше благородие, мы к здешней суете дел не имеем, — спокойно произносит он. — Из странноприимного дома Филимоновой, заглянули по благотворительной надобности. Пойдем, чтобы под ногами не путаться.

— Паспорты покажите и идите на все четыре стороны, — равнодушно велит Феофан.

Рука на плече Анны сжимается сильнее.

— Да откуда бумаги у сироты приютной, — цедит Тихон сквозь зубы.

— Стало быть, в арестантской разберемся, — заключает Феофан и кричит вниз: — Братцы, принимайте первую пташку!

Прохоров смеется, увидев ее:

— Анна Владимировна, вы украли у нищих фуфайку?

Она рывком сдирает с себя вонючую одежонку, кидает ее в коридор и закрывает дверь. Медников, кажется, ошарашен таким странным поведением. Архаров молча протягивает ей большую чашку чая, и Анна жадно пьет его — крепкий, невозможно сладкий, он наконец избавляет ее от горького привкуса горохового супа.

— А пряника нет? — спрашивает она.

И Прохоров достает из кулька рожок-калач. Анна садится на диван, где привыкла тесниться во время совещаний, и ощущает себя очень спокойно в архаровском кабинете, ведь здесь никто не запрет ее снаружи.

— Бог мой, как вы узнали, что меня привели на Вяземку? — говорит она взволнованно.
— Следили?

— Конечно, следили, — Прохоров, кажется, оскорблен в лучших чувствах. — За кого вы меня принимаете, Анна Владимировна?

— И старуху Савельевну подговорили?

— Она у меня давно на жаловании, — ухмыляется он.

— Сейчас, — Анна жадно допивает чай и пытается собраться с мыслями. — Можно мне еще раз взглянуть на портрет Шатуна? Как его там, Илья Курицын?

Архаров открывает папку на столе и достает оттуда рисунок. Она мучительно морщится, закрывает окладистую бороду рукой, но всё равно не может узнать.

— Он был гладко выбрит... Как вообще его Ксения Николаевна опознала?

— Где он был гладко выбрит? — настораживается Прохоров.

— Вот снимок из уголовного дела, — Архаров выкладывает новый лист. — А вот здесь — работа Ксении Николаевны. Для определителя она сделала новый рисунок, без бороды.

— Еще и художница? — поражается Анна. Рассматривает разложенные перед ней лица и кивает: — Да, точно. Илья Курицын, учитель танцев, одиннадцать лет назад напавший с ножом на барышню. Теперь он учит девочек в сиротском приюте, одет франтом, похож на переодетого князя.

— На кого? — фыркает Медников.

— По порядку, — строго говорит Анна, разозлившись на собственную сумятицу. Отец таким изложением был бы крайне недоволен. — Управляет странноприимным домом некая гримза Аграфена Спиридоновна. Проститутка Жаннет сказала, что она таких, как я, жалует, — тут сложно сказать, что она имела в виду. Здоровых? Бывших каторжан? Но как бы то ни было, встретили меня весьма пристрасно, по крайней мере после того как я сказала, что механик и умею вскрывать сейфы.

— Григорий Сергеевич! — Архаров быстро оглядывается на Прохорова, а тот беззаботно разводит руками:

— А что такого? Вы сами запретили оставлять Анну Владимировну там надолго, следовало сразу показать товар лицом.

— Вот после товара лицом Аграфена Спиридоновна мигом отправила меня на исповедь, где я призналась в том, что нахожусь в Петербурге незаконно, а семья от меня отказалась.

— Уязвимость, — комментирует Прохоров довольно. — Важно было, чтобы в богадельне уверились: новенькой некуда идти и никто ее не хватится.

— Священник пообещал, что обо мне позаботятся, а Аграфена Спиридоновна заверила, что найдет мне работенку.

— Какую? — тут же спрашивает Архаров.

— Этого я не успела узнать, — отвечает она виновато. — Мне выделили койку в женском доме, который на ночь запирается снаружи. Это такое место, где у тебя отбирают все личные вещи. Сразу за женским домом находится приют для девочек-сирот. Им заправляет Евдокия Петровна, а беглый каторжник Курицын преподает, полагаю, танцы.

— Вы видели его? — жадно спрашивает Медников.

— Какие еще танцы для сирот? — недоумевает Прохоров.

— Курицына видела, без бороды, нарядный. Тех девочек, которые достаточно хороши собой, учат манерам и странным штукам вроде фокусов. И скорее всего, мухлевать в карты. Дурнушки идут на тяжелые работы.

— Как вы это всё выяснили? — поражается Медников.

Анна смеется и просит:

— Дайте еще чаю, господи... Моя свидетельница — маленькая девочка, внучка некой вдовы Старцевой. Они часто бывают в богадельне и многое знают.

— Вам надо вернуться туда! — запальчиво восклицает Медников. — Григорий Сергеевич, вы ведь правильно вывели Анну Владимировну? Ее можно отправить обратно? С этим приютом явно что-то нечисто...

— Я не смогу, — выдыхает она беспомощно, а Прохоров ворчит одновременно:

— Еще чего не хватало.

Круглое лицо молодого сыщика вытягивается от разочарования:

— Но почему?

— Юрий Анатольевич, а вам когда-нибудь доводилось работать под прикрытием? — доверительно спрашивает его Архаров.

— А то как же! На ярмарке в Воронеже изображал зеваку, когда щипача ловили.

— Это трудно. Даже несколько часов в день — трудно. А представьте себе — круглосуточно, под постоянным наблюдением... Нет, здесь требуется совершенно другая подготовка, которой Анна Владимировна не обладает. К тому же... вы еще помните, что она у нас числится младшим механиком, а не сыскарем? Мы с Григорием Сергеевичем несколько увлеклись исследованием, но пора всё вернуть на места.

Анна слушает его с огромным облегчением. Пожалуй, за последние дни ей хватило самых разных впечатлений и теперь больше всего на свете хочется закрыться в мастерской, разбирая или собирая замысловатый механизм.

— Что же у нас получается, — Медников всё еще вздыхает, но изо всех сил старается вернуть себе в расследовании хоть какую-то роль. — Как беглому каторжнику Курицыну удалось устроиться в сиротский приют благотворительницы Филимоновой? Неужели они совсем не проверяют, кто работает с девочками?

Архаров и Прохоров переглядываются за его спиной, а Медников продолжает:

— И зачем Курицыну было ездить в Москву, чтобы купить инструменты для «Гигиен»? Он сам готовил убийство? Может, он из тех душегубов, что обожает мучить женщин? И действительно ли наша жертва — сбежавшая Роза из Твери? Для чего она убила хозяйку борделя?

Прохоров ставит на газовую горелку чайник, а Архаров снова раскрывает папку на своем столе. Отчего-то у него становится мрачно-тревожное лицо, и Анна тут же пугается. Ну что там еще?

— Антонина Чечевинская, — объявляет он, извлекая очередной лист бумаги, — бывшая институтка, которую Курицын ножом... — Он чуть медлит и завершает крайне осторожно: — Ныне монахиня в Иоанновском на Карповке.

— Да что ж им там, медом намазано? — немедленно раздражается Анна.

— Я завтра же навещу тетушку и поговорю с Чечевинской, — вызывается Архаров.

— А я, значит, сунусь к вдове Старцевой, — определяется Прохоров.

— А я? — теряется Медников.

— А вы, сударь мой... — задумывается Архаров и тут же спрашивает невпопад: — Анна Владимировна, а вы сможете доказать, что «Гигиеня» была превращена в орудие убийства именно теми инструментами, которые Курицын приобрел у московского умельца?

— Не знаю, — ошарашенная такой задачей, отвечает она. — Надо, чтобы он для начала прислал образцы. И нужны инструменты, которые выпускает официальный производитель.

— Рано арестовывать Курицына, — тут же возражает Прохоров, мгновенно уловив направление мыслей начальника.

— Отчего же? — улыбается Архаров. — Вон у нас Юрий Анатольевич рвется в бой, так хоть допросами развлечется.

— Курицын трижды бежал с каторги, ему терять нечего, — упорствует Прохоров. — Не станет он откровенничать.

— Вам нужна Евдокия Петровна, — вмешивается Анна. — Именно она заправляет сиротским приютом, именно к ней из рук унтер-офицера Сахарова попала наша Роза.

— Берем Курицына, — решает Архаров, — а начальницу приюта допрашиваем за сокрытие беглого каторжника. А там посмотрим, что получится.

— Опять ты, Сашка, рискуешь сверх меры, — не одобряет его Прохоров, но тут же строго спохватывается. — Слышали, Юрий Анатольевич? Берем Курицына! И телеграфируйте в Москву, чтобы прислали Анне Владимировне образцы.

— И свяжитесь с тверским полицмейстером, — добавляет Архаров. — Он обещал разузнать и про сбежавшую Розу, и про мадам Лили. И поручите Ксении Николаевне собрать справку по благотворительнице Филимоновой.

Медников, кажется, доволен тем, что дело наконец сдвинулось. А вот старый лис хмурится, но больше не спорит. Они встают с мест, покидают кабинет. Анна медлит, крутит в руках пустую чашку.

— Еще чаю, — вспоминает Архаров и тянется к чайнику.

Она нерешительно молчит, отдает ему чашку, забирает снова. Злитесь на себя: да что на тебя нашло, Аня? Ведь всё уже решено... И все же произносит угрюмо:

— Александр Дмитриевич, а можно я с вами завтра на Карповку?

— Ну разумеется, — он уже погрузился в документы, соглашается, не поднимая головы. Анна пьет чай и ни о чем не думает.

Вечером, погрузившись в горячую ванну в квартире Голубева, Анна разглядывает трещины на стене и часто моргает, отгоняя слезы. Ее накрывает облегчением от того, где она находится.

Абстрактные размышления, будто она готова ютиться в ночлежках, обретают плоть. Как безрассудна и наивна она была сразу после каторги, когда не боялась остаться на улицах! Теперь безликие комнаты богадельни кажутся не менее страшными, чем клоповник в Тряпичном флигеле, где мужчины и женщины перестают видеть разницу между друг другом.

Права гримза Аграфена: жизнь страшна и полна опасностей. Но иногда, если тебе повезет, ты получишь и помощь.

Возможно, самого сатану, вздумай он ступить в святую обитель, корежило бы меньше, чем Анну. В городе снова кружит метель, и густой снег старательно заметает дороги. Главные ворота закрыты наглухо, но Архаров уверенно идет к небольшой калитке и стучит в окно привратничкой. Створка тут же отходит в сторону.

— К игуменье Августе. Коллежский советник Архаров, по служебному делу и по личному вопросу, — докладывает он.

Через несколько секунд калитка распахивается.

— Входите, входите, Александр Дмитриевич, — говорит молодая округлая монахиня, улыбаясь. — Матушка не ждала вас так скоро, ведь вы радовали ее своим визитом совсем недавно.

— Служба, — привычно объясняется он.

— Всё носитесь и носитесь, — вздыхает монахиня, — а матушка печалится, что бобылем живете! Мы молились за вас на прошлой неделе — ведь так и стинете невенчанным.

— Вот так отповедь, — смеется Архаров, следуя за ней к темным стенам монастыря. Анна плетется позади, и мягкий снег под ногами кажется битым стеклом. Если бы не ледяной ком в горле, ее бы тоже развеселила такая забота о племянничке. Кажется, все Архаровы мечтают, чтобы Сашенька остепенился.

— Ждите, — велит монашка, оставив их в небольшой приемной — по мнению Анны, слишком кокетливой для монастыря. Цветочная обивка мягкого дивана, кружевные занавески

и серебряные безделушки на столе навевают мысль о гостинной в уютном доме. Впрочем, сейчас всё кажется раздражающим.

— Так чего именно вы хотите? Увидеться с Еленой Львовной? — спрашивает Архаров небрежно.

Анна благодарна, что он не усиливает ее внутреннюю драму.

— Не уверена, — так же равнодушно говорит она. — Можно мне для начала задать матушке Августе несколько вопросов об этой женщине?

— Конечно.

Она проваливается в облако дивана и уточняет:

— После встречи с Чечевинской, да? Она же согласится с нами поговорить?

— Если только не отрелась от всех мирских связей.

— Зачем молодой институтке такое с собой делать? — размышляет вслух Анна.

— Скоро мы всё узнаем, Анна Владимировна.

Она кивает и покорно ждет матушку Августу, так и не разобравшись до конца, что же с ней произошло в странноприимном доме, раз она решила прийти в этот монастырь.

ГЛАВА 03

Тетушка Архарова — статная красивая женщина, только начавшая стареть. Анна бросает на нее жадные взгляды и признается: нет, никогда ей не понять стремления запереть себя в глухих стенах.

— Это какое же служебное дело тебя привело в мою обитель, Саша? — строго спрашивает она, властно протягивая ему руку для поцелуя.

Он почтительно кланяется:

— Доброе утро, тетушка. Позволь представить тебе Анну Владимировну Аристову, она служит в моем отделе.

— Аристова! Та самая дочь, — матушка Августа тут же теряет к нему интерес, проворно поворачивается к Анне, и та торопливо поднимается на ноги. Ей тоже надо целовать руку?

Но настоятельница избавляет ее от выбора, кладет одну руку на плечо, а второй поднимает лицо за подбородок.

— Дай мне взглянуть на тебя, дитя, — говорит она ласково. — Как же запутаны порой наши дороги, и бедные заблудшие овечки бродят в кромешной тьме.

Анна растерянно хлопает ресницами.

— Ну ничего, ищущий да обрящет, — заключает матушка Августа и отстраняется, деловито интересуется: — Итак, для чего вы здесь?

— Позволь сначала полюбопытствовать: что тебе известно о благотворительнице Филимоновой и ее странноприимном доме? — спрашивает Архаров.

— Вера Филипповна — вертихвостка, — без какого-либо благочестия объявляет настоятельница. — Кабы не Аграфена Спиридоновна, управляющая, сия богадельня давно превратилась бы в вертеп. А построил ее еще батюшка Веры Филипповны — ходят слухи, дедовские грехи замаливал. Будто бы богатство их на крови замешано, а может, люди попусту языками мелют. Как бы то ни было, денег у Веры Филипповны куры не клюют, уж и не знаю, кому они достанутся после. Единственная наследница, в молодости была писаной красавицей, а ныне — стареющая кокетка, замуж так и не вышла.

— А про странноприимный дом ее что сказывают?

— Строго там, — с явным одобрением сообщает матушка Августа. — Сирот содержат, бездомных кормят, кто хочет работать — тех пристраивают к делу.

— И никаких сомнительных историй?

— Ты, Сашенька, на своей службе совсем разучился в хорошее верить, — скорбно качает головой настоятельница.

Архаров разводит руками: мол, что правда, то правда.

— А с Антониной Чечевинской мы можем поговорить?
— Зачем она вам? — удивляется она.
— Свидетельница по делу.
— Господь с тобой, Саша! Сестра Антонина уже лет семь живет в нашей обители, что и о чем она может знать?
— По старому делу, — уточняет Архаров невозмутимо.
Несколько секунд матушка Августа придирчиво и задумчиво его разглядывает:
— Ты расскажешь подробности, если я спрошу о них?
— Помилуй, дорогая тетушка, к чему смущать твой покой?
— Покой, — передразнивает она сварливо. — Какой уж тут покой, коли по обители полиция шастает. Ну хорошо, я приглашу сестру Антонину, однако неволить ее не стану. Согласится — поговорите. Что передать ей?
— Что мы хотим спросить о Курицыне.
— О мужчине? Монахиню?
— Ну она же не родилась монахиней, — рассудительно замечает Архаров.
Еще немного подумав, матушка Августа кивает и выходит из приемной.
— Ух ты, — вяло говорит Анна. — Какие полезные у вас родственники, Александр Дмитриевич.
— В этом монастыре молятся не только за меня, — напоминает он с улыбкой, — но и за других заблудших овечек.
Она чуть морщится.
Они ждут долго — полчаса, не меньше. Всё это время Архаров молча стоит у окна, наблюдая за снегопадом. Анна сосредоточена на том, чтобы просто дышать. Близость матери ощущается болезненно-остро — она ведь может быть за любой из этих стен, хоть в том же монастырском дворе, которым старательно любитесь шеф.
С самого детства Анна не находилась под одной крышей с Элен и теперь не понимает, как с этим справиться.
Наконец дверь вкрадчиво стонет, открываясь, и на пороге появляется худенькая женщина в монашеском одеянии. На бледном лице ее глаза кажутся огромными.
— Вы из полиции? — спрашивает она испуганно.
Архаров представляется, но остается у окна, сохраняя дистанцию.
Чечевинская боязливо проскальзывает в комнату и замирает у двери:
— Матушка сказала, что у вас вопросы о Курицыне?
— О нем, родимом. Сестра Антонина, я посмотрел то старое дело с нападением на вас. Одиннадцать лет назад вы заявляли, что понятия не имеете, отчего он бросился на вас с ножом. А Курицын пел песню про неразделенные чувства. Возможно, сейчас, когда всё это уже в далеком прошлом, вы решитесь открыть новые подробности? — тихо спрашивает Архаров.
— Зачем вам?
— Мы подозреваем, что он замешан в убийстве женщины...
— Это неправда! — вспыхивает она. — Илья Андреевич совершенно не способен причинить кому-либо вреда!
— Он ранил вас, — очень мягко напоминает Архаров.
Она исступленно мотает головой:
— Это не то! Всё было совершенно иначе.
— Что же произошло одиннадцать лет назад?
Чечевинская колеблется, и отчаяние на ее лице отзывается в Анне дрожью.
— Хорошо, — наконец решается она. — Столько воды утекло, родители уже давно в могиле. Я расскажу.
Монахиня отталкивается от стены, проходит вперед — хрупкая фигура в черном.

— Это в институте благородных девиц Илья Андреевич преподавал танцы, а в мужских лицах он был учителем фехтования и боевых искусств. А я была так молода, так романтична...

Анна прикрывает глаза. Эти слова надо будет выгравировать и на ее могиле: «Она была молода и романтична. Поэтому не заслужила покоя».

Архаров молчит, не торопит Чечевинскую, а та дышит часто-часто, собирается с силами для дальнейшего рассказа.

— Я придумала историю... Якобы собиралась после института ехать в деревню, учительствовать. Говорила, что там могу столкнуться с дикостью, с пьяными мужиками... что хочу уметь защититься. Конечно, это было ложью, родители никогда не позволили бы мне... Но я просто хотела привлечь внимание Ильи Андреевича...

— Вы влюбились в него, — мрачно констатирует Анна.

— Не знаю. Я была очарована, взбудоражена, преисполнена любопытством... Просила о частных уроках. Поначалу Илья Андреевич мне отказывал, он боялся потерять место. Тогда я предложила денег... много.

— И он согласился, — кивает Архаров.

— Мы встречались тайком, и он обучал меня, как обращаться с холодным оружием. Вы знаете, фехтование давно вышло из моды, да и не стала бы учительница разгуливать по деревне с рапирой. Нет, я просила научить меня пользоваться ножом. Мне казалось, так мы сблизимся. Но Илья Андреевич оставался по-прежнему равнодушным. Это так злило меня: ведь я считала себя красивой, происходила из хорошей семьи. Во мне было всё, чтобы привлечь мужчину, а Курицын просто не замечал всех моих достоинств. И на одном из уроков я намеренно делала всё вопреки, просто потому, что дурачилась и ощущала досаду. Всё вышло случайно, понимаете?

— Отчего же вы не сказали полиции правду? — голос Архарова участливый, лишенный какого-либо осуждения.

Анна торопливо гасит усмешку. Ей хочется спросить иное: а что бы сделала с влюбленным учителем Чечевинская, коли добилась бы своего? Очевидно, он никоим образом не годился в мужья. Как далеко бы зашла юная институтка? Или она не думала о последствиях, а просто поддалась своему тщеславию?

Жаркие ночи, смятые простыни... запретный плод сладок.

— Я испугалась, — просто говорит монахиня. — Того, что скажут люди, а главное — что скажет отец. Да и полицейский чин, который вел расследование, заверил меня: Курицын окажется на каторге в любом случае. Неважно, какие причины побудили его порезать институтку, итог один.

— А Курицын, стало быть, решил не усугублять свое положение признанием в том, что взял денег у ученицы, — размышляет Архаров. — Разум помутился от чувств, вот и вся недолга. Получил пять лет и сбежал уже на этапе.

— Полиция предупредила меня, что он может вернуться в Петербург, — кивает Чечевинская. — Я опасалась мести, но ничего не происходило.

— Через три года его снова арестовали во время облавы на Лиговке. И прописали каторгу уже пожизненно, — продолжает Архаров. — И он снова бежал. Ловок, шельма.

— Когда я узнала о пожизненном, что-то надломилось во мне, — признается Чечевинская печально. — Раскаяние привело меня в эти стены.

Да что не так с этими женщинами, неужели они и правда верят, что монастырь очистит их совесть? Сбежала с офицером — в монастырь! Сломала жизнь учителю — в монастырь! Если бы всё было так просто...

Анна отворачивается от Чечевинской, потому что не может и дальше смотреть в это зеркало. Ошибки и их последствия, всегда одна и та же история! И отчего молодых девиц так и тянет к кому-нибудь воспылать роковой страстью?

— Так что с Ильёй Андреевичем? — меж тем волнуется монахиня.

О, если бы не Архаров, который тут изо всех сил изображает доброго сыщика, Анна бы ей всё подробно объяснила. Например, каким после каторги становится человек, «совершенно не способный причинить кому-либо вреда».

— Он в Петербурге и проходит по новому делу, — объясняет Архаров. — Да вы не волнуйтесь, сестра Антонина. Больше, чем пожизненное, ему уже не получить.

Если только не одиночную камеру, в которой сошла с ума Ольга.

Насколько же Анна озлоблена, если ее совершенно не трогают тихие слезы монахини?

Стоит сестре Антонине, всё еще рыдающей, покинуть приемную, как на ее месте появляется грозная матушка Августа.

— До чего вы довели несчастное дитя, — огорченно укоряет она. — Саша, не мог бы ты в будущем держать свои расследования подальше от монастыря?

— Прости, тетушка, и благодарю тебя, — смиренно отзывается он, и никто в этой комнате не верит такому смирению.

Анна слишком близко подпустила к себе историю Чечевинской, слишком многое отозвалось в ней, чтобы мучить себя и дальше. Она порывисто поднимается, чтобы попрощаться и бежать отсюда прочь. Однако неумолимый Архаров не понимает, не видит ее состояния и говорит безо всякого предупреждения:

— Тетушка, Анна Владимировна хотела бы справиться о своей матери, Елене Аристовой...

— Я знаю, о ком, — сухо замечает матушка Августа, а Анна так и застывает, сама не зная, что хочет узнать. — Елена Львовна покинула нас. Уехала в тот же день, как получила записку от дочери.

— Как? — вырывается у Анны. — Куда?

— Этого я не могу знать. Аристова так и не приняла постриг, жила здесь послушницей. Одно могу сказать точно: на улице ее ждал мужчина.

— Мы найдем ее, Анна Владимировна, — тут же обещает Архаров, но она только вскидывает руку, защищаясь и умоляя его замолчать. Не то...

— Вы простите меня, — просит механически, — мне нужно на улицу.

Полный горячего сочувствия взгляд настоятельницы — это слишком непереносимо. Анна слепо покидает приемную, почти бежит по коридору, минует заснеженный двор и измученно переминается, пока привратница открывает калитку.

— О, господи, — говорит она, когда Архаров нагоняет ее на мосту. — Ваша тетушка сочтет, что я совершенно не воспитана. Вы извинитесь перед ней.

— Пустое, — отмахивается он и замолкает, когда Анна зачерпывает голой рукой пушистый снег с перил и протирает им лицо. Холод обжигает, мгновенно просачивается внутрь и превращает в лед то жалкое, истекающее отчаянием, что так и норовит вырваться криком наружу.

— Пожалуйста, давайте вернемся на службу, — просит Анна. — Мне срочно нужно взяться за какой-нибудь механизм.

Это похоже на медленное умопомешательство. Анна едет с Бардасовым в ограбленную антикварную лавку, обследует сейф, возвращается в мастерскую — а лед неумолимо тает, внутренние часы методично отбивают минуты до взрыва.

Она ведь так пыталась сохранять голову холодной, но теперь там что-то лопается и пульсирует, и уже ничего не видно за пеленой обреченной ярости.

С чего она вообще решила, что мать будет ждать ее в монастыре? Зачем ей там оставаться после той записки, которую Анна ей отправила? Получив свое искупление, эта женщина, не колеблясь, ринулась в иную жизнь и даже не попыталась встретиться с дочерью.

Какое потрясающее послушание!

И всё же злости на мать — нет. Единственная, кто виновата во всех своих бедах, сама Анна. Больше не получается оправдывать себя хоть чем-то, и будущее, еще вчера казавшееся важным, рассыпается пеплом.

Не имеют значения ни вчера, ни сегодня, ни завтра.

Она думала, у нее есть хотя бы время, чтобы прийти в себя. Но ведь Анна сама отказала матери и в любви, и во встречах, — кто знает, может, у отца тоже закончилось терпение.

Видимо, такова ее природа — разрушать всё, до чего она может дотянуться. Так зачем пытаться строить хоть что-нибудь, если оно неминуемо закончится крахом?

Анна смеется удачной шутке Пети, пишет отчет, замечает, что движения становятся всё более медленными, скупыми. Как будто она превращается в куклу, ходит, разговаривает, работает, а сама только и ищет наказания — да ведь не в монастырь бежать.

И совсем не удивляется, когда поздним вечером просит возницу отвезти ее в Захарьевский переулок.

Впрочем, Архаров не удивлен тоже. Молча открывает ей дверь, молча впускает внутрь, и она кожей чувствует его напряженность. Как будто он понятия не имеет, чего ждать и как себя вести. Как будто Анна держит в руках бомбу с часовым механизмом.

— Отчего вы именно мне поручили удерживать вас от падения? — спрашивает она с вызовом, едва перешагнув порог. — Отчего решили, что я буду добра к вам?

Он отступает назад и не предлагает ей пройти в гостиную. Так и стоит в прихожей, собранный, внимательный.

— Рассчитывать на мое благоразумие — всё равно что давать оружие в руки безумцу, — объявляет Анна и подходит к Архарову вплотную, опирается на стену у его плеча. Так близко, что легкое тихое дыхание касается ее лица.

— Решили обрушиться на меня? — усмехается он, не сводя с нее глаз. — Что ж, извольте. Я готов оставаться вашим мальчиком для битья, коли вам больше некого лупить.

— Полагаете, я не осмелюсь? Сжалюсь? Одумаюсь? — резко бросает она. — Плохо же вы меня изучили, Александр Дмитриевич.

И этот мерзавец смеется — в своей излюбленной манере, беззвучно.

— В вашем упорстве, Анна Владимировна, — выдыхает он ей прямо в губы, — мне сомневаться ни разу доводилось.

Она стискивает ткань сюртука под его горлом, не в силах выразить ту ненависть, которая хлещет из открывшихся ран — к нему, к себе, к миру целиком. И хватает зубами архаровскую нижнюю губу — сердце ахает и проваливается в бесконечность, — и вкус горячей крови приводит ее в себя. Всхлипнув, Анна обмякает, почти падает в его руки, глаза опаливает соленым.

— Она просто уехала, — бормочет бессвязно, захлебываясь слезами и приторностью. — Просто уехала! И я сама велела ей так поступить, так на кого же мне злиться теперь?

— Да и черт с ней, — с неожиданной грубостью отвечает он и куда-то тянет Анну за собой, она послушно перебирает ногами. — Захотите — я вам ее из-под земли достану, а

нет — так и пусть проваливает. Вы же столько лет жили без матери, для чего она вам теперь понадобилась?

— Я ведь почти поверила, что в этот раз она где-то рядом, — не слушая его, продолжает Анна. Краем глаза она видит огонь камина, обои на стене — гостиная? Архаров пытается усадить ее в кресло, но ее пальцы не разгибаются, костенеют, и ткань сюртука трещит, когда он отстраняется.

— Аня, — удрученно зовет ее он, подчиняется ее хватке, и они как-то оказываются в этом кресле вдвоем, она утыкается носом в жесткое плечо и притихает. Тепло. — Вы бы хоть пальто сняли.

— Да что вам за дело, — устало огрызается она. Поворачивает голову так, чтобы видеть огонь, ерзает, устраиваясь удобнее. — Испугались меня?

Он проводит ладонью по ее голове, спуская платок с волос.

— Как не испугаться, — соглашается задумчиво. — Поди угадай, куда бы вас в этот раз рвануло. Хорошо хоть так, обошлись малой кровью.

Она вспоминает про его губу, задирает голову, разглядывая укус, который еще слабо кровит, отчего Архарову приходится то и дело слизывать кровь. Хорошо она его цапнула, от души. Завтра разнесет. Но вины Анна всё равно за собой не ощущает и извиняться не хочет.

— Я вас как будто заклеимила, — говорит она удовлетворенно и снова возвращается к созерцанию огня.

— Похоже на то, — с грустной иронией соглашается он.

ГЛАВА 04

Анна обещает себе сжечь в этом огне все мысли о матери и все сожаления, связанные с ней. Это был всего лишь мираж, морок. Лучше бы ей и вовсе не знать ни о прошениях Элен, ни о ее монастырском покаянии.

Тень матери давно стала бестелесным призраком, но после возвращения с каторги эта тень обрела плотность и реальность. И теперь надо просто подождать, пока она в очередной раз развеется.

Что ж, у каждого своя дорога, и лучше бы сосредоточиться на поиске своей.

Выпрямившись, Анна с изумлением обнаруживает себя на коленях у Архарова — как это они так извернулись? Он тоже смотрит на огонь, опустив ресницы. Губа распухшая, лицо задумчивое.

Теперь, когда ей больше не хочется разрушать всё вокруг, находиться в этом доме вроде как и незачем. Она ведь пришла сюда не за утешением, а в твердой решимости затащить Архарова в пучины своего безумия и тем самым перечеркнуть разом как его карьеру, так и собственное будущее.

Однако она всё-таки отступила.

В стремлении причинить боль именно этому человеку есть много граней. И хотя Анна давно осознала, что нет смысла злиться на Сашу Баскова, а Александру Архарову даже нужно быть благодарной, это понимание так и остается только движением разума. Чувства же кричат о другом — столько обид у нее накопилось, и за старый обман, и за новый, с Раевским, и за то, как безжалостно он вел себя после каторги.

Аристовы не умеют прощать и не умеют просить прощения. Они могут только совать всем под нос свою невыносимую гордость.

Напрасно всё-таки Архаров дал ей такое оружие против себя, которым слишком легко воспользоваться.

— Уже начали снова меня ненавидеть? — безмятежно уточняет он, не глядя на нее.

— Как раз убеждаю себя, что не стоит вешать на вас все свои печали.

— Это что-то новенькое, — удивляется он, переводя на нее свой взгляд.

— Старенькое, — бурчит она, склоняясь ниже, чтобы заглянуть в серые туманности. — Я возвращаюсь к прежнему убеждению сохранять голову холодной и старательно работать. Мы ведь сможем забыть про сегодняшний сбой?

— Действительно сможем? — хмурится он.

— Я обещаю не врывать больше в ваш дом, подобно разбойнику с большой дороги, — твердо заверяет его Анна. — Мои чувства слишком запутаны, это пугает меня. Да и вас должно пугать тоже.

— Так давайте распутаем их, — вкрадчиво предлагает Архаров.

Анна смеется: будто она не пыталась! Но не видит причин, чтобы не объясниться.

— Вы человек, от которого сегодня зависит и мое настоящее, и мое будущее, — прилежно принимается рассуждать она. — Стало быть, проще всего будет, если я останусь полезна для вашего отдела и перестану злить вас. Вот тут и кроется основное противоречие — ведь меня так и тянет обвинить вас в том или этом. Полагаю, часть меня нуждается в противостоянии с вами. Долгих восемь лет я мечтала стереть вас с лица земли, и это желание стало моей опорой. А теперь вдруг оказывается, что успех вашей карьеры для меня куда важнее мести. Да и мстить особенно не за что. Пусть я была нежно привязана к Саше Баскову и для вас оставалась лишь службой... Это по-прежнему ранит, но не настолько, чтобы обрекать себя на бесправную жизнь.

Он вдруг берет ее за руку и рассеянно подносит ее к своим губам. Чуть вздрагивает от боли при поцелуе, усмехается и снова морщится.

Анна оторопело позволяет всё это. Она с ужасом осознает, что приходится не только искать компромисс между чувствами и рассудком, но еще и отбиваться от желаний своего тела. К ней так давно никто не прикасался, что она и забыла, как это приятно. Казалось, что, промерзшая до костей, оцепевшая от голода, равнодушная ко всему, она никогда уже не захочет чужого тепла. Но стоило чуть оттаять — и вот тебе на.

— Вы становитесь удивительной женщиной, — признает Архаров серьезно. — Та юная Аня, которую вы считаете лучше нынешней, и в подметки вам не годится.

— У вас очень странные вкусы, — замечает она, уязвленная и польщенная одновременно.

— Вы никогда не думали о том, что сами выбрали Сашу Баскова своим конфидентом? Вас ведь никто не слушал тогда — ни отец, ни Раевский. Подругами вы не желали обзаводиться и метались между двумя мужчинами.

Она отворачивается, не желая слушать эти глупости. И все-таки слушает — через маету.

— Я был случайным человеком в вашей жизни, которого вы сочли подходящим, чтобы довериться. Нет, делишками вашей группы, конечно, вы не стремились делиться, но щедро описывали и своего отца, и любовника. Юная Аня, отчаянно желающая любви, казалась трогательной и вызвала желание ее защитить. Однако заполучить ту Аню не хотелось — и не только потому, что вы были одержимы другим мужчиной. Но еще и потому, что вы казались почти девочкой, запутавшейся и глупой. Представлять, что с вами случится на каторге, было невыносимо. Вы бы там не выжили, Аня. И мне не хотелось быть одним из тех, кто отправил вас на мучительную смерть.

Она холодеет, вспоминая ужасы этапа. Люди так быстро теряли там человеческий облик, превращаясь в озлобленных и запуганных зверей.

— И часто вы жалеете преступников? — спрашивает она, торопливо отгоняя от себя воспоминания.

— С каждым годом всё реже.

Анна хмыкает и неуклюже поднимается, так, чтобы не опереться на архаровское плечо.

— Может, Василий уже перестанет ходить за мной скрытно? — предлагает она, поправляя платок. — Наверное, на это уходит множество сил.

— Я бы сказал, что слежка за вами — самое простое, что могло с ним случиться. Вы ведете довольно предсказуемый образ жизни, ходите по одним и тем же адресам одними и теми же дорогами.

Он тоже встает, провожает ее в прихожую. Воспоминание об укусе пронзает Анну, в груди холодеет. Нельзя так распускаться, следует лучше владеть собой.

— Доброй ночи, — вежливо говорит она, открывая дверь.

— Всегда к вашим услугам, — он опирается на косяк, равнодушный к яростному холоду, влетевшему внутрь.

Анна смеется:

— Не искушали бы вы судьбу, Александр Дмитриевич.

— Ну а что ж, кому охота виноватой жить, — говорит Зина, когда Анна заканчивает свою историю.

Они лежат, обнявшись, на узкой кровати, и пора бы спать, а всё шушукаются.

— Мать-то твоя тоже, поди, живая баба, измаялась вся в монастырских стенах... А хахаль ее молодец, преданный. Может, мне тоже себе завести?

— Заведи, — сонно соглашается Анна, — коли спокойная жизнь надоела.

— Я бы Прохорова окрутила, — мечтает Зина, — да кто ж ему, касатику, разрешит на красотке с моей биографией жениться...

— Он же старый.

— Зато добрый. Молодых вон пруд пруди, а добрых еще сыскать надо. Отрез ткани нынче всучил, на платье, говорит. А на прошлой неделе десяток яиц отвалил, мол, лишние. Да какие они лишние, коли я же ему и стряпаю, а у меня на кухне ничего лишнего не бывает...

Анна только крепче к ней прижимается.

— Не выходи за сыщика, — советует она, — даже из-за десятка яиц. Все они поломанные изнутри, потому как водятся с душегубами да мерзавцами. И к женщинам таким же тянутся... поломанным.

— Это ты хватанула, — сомневается Зина.

Но Анна уже совсем спит и спорить с ней не может.

Утром она привычно здоровается с дежурным Сёмой, но тот только удрученно кивает, и Анна останавливается, пораженная беспомощным и жалким выражением его лица:

— Что такое?

Одними глазами он указывает в сторону комнаты для просителей. Там на стуле сидит Феофан, и его плечо перевязано окровавленной тряпкой.

— Боже мой! — пугается Анна и стремительно пересекает холл, опускается перед рыжим жандармом на корточки: — Больно?

— Больно, — как-то растерянно отзывается он, а губы так и дрожат.

— Как это вышло?

— Курицына брали. Отстреливался, — односложно объясняет он.

— Взяли?

— Взять-то взяли, да только...

От плохого предчувствия у Анны обрывается сердце:

— Что, Феофан?

— Он Федю застрелил. Насмерть, — выдыхает мальчишка.

Она стискивает пальцы его здоровой руки, опускает голову, не в силах перенести мольбы в его взгляде. Как будто он надеется: Анна сделает что-то такое, от чего произошедшее окажется неправдой.

Жандарма Федю она почти не знала, они выезжали с ним вместе к Штернам и в музей Мещерского, и всегда тот был вежлив и исполнительен. А вот с Феофаном он, возможно, дружил.

Анна не знает, что сказать. Необратимость накатывает волнами. Вот тебе и почетная служба, к которой сын священника Феофан так стремился.

Снова сжав ему руку, она поднимается на второй этаж. Кабинет сыщиков нараспашку, Прохоров, усталый, будто еще более постаревший, неподвижно сидит на стуле. А вот Медников, красный, сердитый, мечется от стола к столу. Бардасов молча разливает водку по стопкам.

— Может, вам тоже налить, Анна Владимировна? — спрашивает он.

Она мотает головой, встревоженно вглядывается в Прохорова:

— Вы хорошо себя чувствуете, Григорий Сергеевич?

— Потерял хватку, Аня, — устало отвечает он.

— Да при чем тут хватка! — кипятится Медников. — Если этот мерзавец палил напропалую!

— А он и должен был палить, Юрий Анатольевич, — вздыхает Бардасов. — Вы же не думали, что он вам станцует при аресте.

— Так Архаров же велел его брать!

— А мы и брали, — тихо говорит Прохоров. — Установили слежку, выбирали место, время... Соваться с наскоку втроем на такого зверюгу — слишком опасно.

— А где Архаров? — уточняет Анна. — У Зарубина?

— К семье Фёдора поехал, — коротко отвечает Бардасов и протягивает Прохорову стопку. Они выпивают, не чокаясь.

— Он женат был? — она морщится, будто принимает на грудь вместе с ними.

— Не успел, — говорит Бардасов. И, подумав, добавляет: — К счастью.

— Вот поэтому я всю жизнь бобылем, — бормочет Прохоров.

Медников хватается за голову:

— Так это что же выходит, вы меня вините?

— Ваша вина только в том, что вы молоды и неопытны. А опыт в нашем деле... он вот так приходит, — объясняет Бардасов.

— Может, мне в отставку пора? — задается вопросом Прохоров. — Не научил, не объяснил. Не запретил, в конце концов.

— Вы говорили! — совершенно приходит в отчаяние Медников. — Велели проявлять осторожность, а я решил, что нас же трое, а он один...

— Что сейчас с одной головы на другую переключивать, — перебивает его Бардасов. — Да, может, и вдесятером бы пошли, а итог одинаков бы вышел. Все-таки у нас не простенький мазурик, а бывалый ходок. Трижды бежать с каторги надо суметь...

— Я задушу этого Курицына собственными руками, — обещает Медников.

— Тихо, — обрывает его Прохоров, — тихо. К допросу Курицына надо подойти обстоятельно. Пусть пока сидит, а мы все остынем. С сударушками сначала потолкуем.

— С какими сударушками? — не понимает Анна.

— С сударушками из богадельни. Как они приютили беглого каторжника, зачем. Вот бы куда, Юрий Анатольевич, вы свой пыл приложили. Берите жандармов и привозите их сюда.

— Сейчас? — теряется Медников.

— Скорбеть будете между делом, — велит Прохоров.

Анна делает шаг в сторону, уступая молодому сыщику дорогу. Вот так всё и происходит, отстраненно думает она, помянули несчастного Фёдора и снова вернулись к службе. Ни слез, ни долгих терзаний.

Впрочем, Медникову, наверное, лучше сейчас что-то делать, вместо того чтобы и дальше метаться по кабинету, гадая, как могло бы всё сложиться иначе.

— Вдову Старцеву я вечером навестил, — вдруг сообщает ей Прохоров. Наверное, после ее вылазки в странноприимный дом счел нужным доложить. — Старушка словоохотлива, но глупа. Много видит, да не понимает. Битых полчаса сыпала восторгами об управительнице тамошней, Аграфене, а потом поведала о некоем комитете попечителей, которые якобы сиротам работу подыскивают. И вот что любопытно, Анна Владимировна, эти попечители что-то не спешат свои добрые дела миру являть. Старушка даже имен их не знает, слышала звон, да не знает, где он. Да только думается ей, что особы сии весьма влиятельные. Она так впечатлилась, что даже внучку свою приюту отписала.

— Как — отписала? — изумляется Анна.

— Ну так и отписала. Мол, после моей смерти прошу принять девочку на воспитание и содержание, а в качестве благодарности — завещание на дом.

— Красиво! — восхищается Бардасов.

— Можно засекать, сколько проживет после такого документика старушка, — раздраженно цедит Прохоров.

— Граф Данилевский! — осеняет Анну. — Владелец казино! Он может знать об этом комитете, а то и вовсе состоять в нем. Полагаю, ему-то хорошо обученные девицы всяко нужны. И это мы еще не знаем, чему там учат мальчиков!

— Ну что вы так кричите, — сетует Прохоров, выглядывая в коридор.

— А я ничего не слышал, — хмыкает Бардасов.

— Он ведь нам обязан, — одними губами шепчет Анна.

— Кажется, с вами щедро расплатились за услугу, — напоминает Прохоров, но задумывается. — Впрочем, мы с Александром Дмитриевичем пошушкаемся. Ах да, вот еще что: тут утречком Кудрявцев забегал с Плуталовой улицы...

У Анны сначала проваливается душа в пятки, а потом за этим кульбитом поспевают и мысли. Пристав Кудрявцев — это тот, в чьем отделении отдыхал дебошир Ярцев.

— У него письмо для вас завалилось, говорит, несколько дней недосуг было передать.

Анна протягивает руку, чтобы забрать конверт, подписанный изящным женским почерком.

— Ступайте в допросную, — советует Прохоров. — Там сейчас тихо, пусто.

Она кивает, не чувствуя ног под собой.

«Милая моя Анечка.

Ты прости, что называю тебя и милой, и Анечкой. Страшусь представить, что ты обо мне думаешь.

Не передать словами, как я счастлива, что ты вернулась в Петербург живой и здоровой. Илюша говорит, выглядишь изнуренной, но ведь это пройдет.

Не стану тебе рассказывать, какой тьмой для меня были окутаны последние годы. Сообщу только, что окончательно уверовала и в чудо, и в Божий промысел. Если бы во мне было достаточно праведности, я бы тотчас приняла постриг и провела бы остаток жизни, вознося благодарственные молитвы.

Но во мне, Аня, слишком много мирского, порочного.

Однако я всё еще могу быть покорна твоей воле и не осмелюсь перечить. Поэтому мы с Ярцевым покидаем Петербург, и я не стану омрачать твою жизнь напоминанием о себе. Однако

знай: если ты когда-нибудь захочешь меня о чем-то спросить или даже увидеть, я вернусь в тот же день. Просто напиши.

Знай и другое. В последние годы Илюша работал на некоего ростовщика Ермилова, чья лавка располагается у Никольского рынка. Там для тебя мы оставили денег, полагаю, именно они тебе сейчас нужны больше всего. Ты можешь располагать ими по своему желанию.

Я не прошу у тебя о прощении, но заклинаю об одном: прими эти деньги с легким сердцем.

С искренней любовью, Елена Аристова».

В конверте еще одна записка, совсем короткая:

«Аня, уговорите своего отца дать Элен, наконец, развод. Это же невыносимо — годами оставаться в таком положении.

И спасибо Вам за то, что уговорили ее покинуть монастырь. Пока она находится в некоторой растерянности, поэтому я везу ее на воды. Потом мы вернемся в наше имение, где всегда будем рады Вас видеть. Адрес я прилагаю.

Искренне Ваш Илья Ярцев».

Анна аккуратно складывает оба листка, убирает их в конверт, конверт прячет в карман. Спускается в мастерскую, куда ей уже доставили инструменты для «Гигиени». Раскладывает перед собой те, что от умельца, и те, что от настоящего завода. Включает свет над верстаком.

— Анна Владимировна, а вы про Федю уже знаете? — тут же суется к ней Петя.

— Знаю.

— Неужели и правда можете работать? — не верит он.

Анна стискивает зубы, чтобы не накричать на него.

— Вы бы тоже занялись чем-нибудь, — советует Голубев, возясь с фотоматоном.

— Человека же убили, — бормочет Петя, потрясенный их равнодушием.

Однако всё же отстает, и в мастерской воцаряется угрюмое молчание.

ГЛАВА 05

День, как ни странно, проходит спокойно. Контору будто накрывает напряженной тишиной. Вернувшийся Архаров немедленно отправляет Феофана домой, а сам надолго запирается с Прохоровым — шушукаться. Медников привозит из богадельни гримзу Аграфену и главную по сироткам Евдокию. Дежурный Сёма докладывает: сидят по разным допросным и гневаются.

Анна полностью погружена в работу. Инструменты умельца куда качественнее родных, заводских — видимо, ему действительно важны заказы от железной дороги, раз так старается. Она делает их снимки, а потом просит жандармов снова принести ей остатки «Гигиени» в старый каретный сарай, тащит туда фотоматон, скрупулезно снимает все царапины и описывает их. Это монотонный процесс, который требует всего ее внимания.

Вечером она покидает управление с легким головокружением — цианид, к сожалению, не выдохся.

Благо до Никольского рынка близко, да и мороз подгоняет.

Она бредет, задумчиво глядя на заснеженный город. От Крюкова канала нещадно сквозит, будто город старательно выдувает из нее пары яда, до нее долетает запах костров, которые дворники жгут для согрева, и вот наконец купола Никольского собора, тающие в темном небе.

Она еще не понимает, что чувствует после письма матери, но знает одно: деньги Ярцева не должны оставаться у какого-то там ростовщика. Что с ними делать потом, это другой вопрос. Ответ на него, скорее всего, будет зависеть от суммы.

Лавку ростовщика Ермилова она помнит еще по прежним, докаторжным временам: хитрый старик вел дела на широкую ногу и не брезговал торговать краденым. Поэтому Анна сразу направляется не в рыночные закоулки, а на противоположную сторону Крюкова канала. Здесь

стоят солидные каменные дома с высокими подъездами, где располагаются конторы нотариусов, поставщиков двора, агентов страховых обществ. Она сворачивает в арку и попадает в тихий, вычищенный от снега двор-колодец. Над крыльцом флигеля — полированная медная дощечка с лаконичной гравировкой: «Л. В. Ермилов. Частные финансовые операции».

Анна несколько минут стоит неподвижно, позволяя невидимому филеру Васе понять, в какую именно контору она входит. А потом поднимается по ступенькам и ныряет в тепло, пахнущее вошным деревом и хорошим табаком. За массивным резным прилавком сидит круглощекий румяный клерк, тут же воссиявший широкой улыбкой. За его спиной — окошко касира, забранное не грубой решеткой, а изящной бронзовой сеткой.

— Чем я могу вам помочь, сударыня? — сияет клерк.

— Аристова ко Льву Варфоломеевичу, — твердо сообщает она. — Он меня ждет.

Надо отдать клерку должное, его нисколько не смущает потрепанный визит посетительницы.

— У себя, — отвечает он, не теряя улыбки.

Анна хмыкает и, не спрашивая дороги, обходит прилавок слева и толкает низенькую дверь, обитую темно-зеленым сафьяном.

— Добрый вечер, Лев Варфоломеевич.

Она и прежде думала, что ростовщику очень не повезло с внешностью. Для человека его профессии он слишком худ, подвижное лицо буквально обтянуто кожей.

— Добрый, — говорит он, поднимая голову от бумаг. — Простите, не припомню...

— Анна Владимировна Аристова. У вас кое-что есть для меня.

— Аристова! — он звонко хлопает себя по лбу. — Как же, как же... Да вы присаживайтесь, голубушка. Я распоряжусь насчет чая.

— Распорядитесь и насчет крендельков каких-нибудь, — улыбается она, опускаясь в кресло.

— Крендельков! Анна Владимировна, у меня есть отборнейший шоколад от Бормана. Одно мгновение, — он быстро выходит в вестибюль и почти тут же возвращается. — Признаться, я искренне огорчен поспешным отъездом Ильи Никитича... Лучшего доверенного человека трудно сыскать.

— Боюсь, мне сложно разделить вашу печаль.

— Наслышан, наслышан обо всех перипетиях этой любовной истории, — вздыхает Ермилов. — Ну, Анна Владимировна, позвольте поздравить вас с возвращением! Признаться, я с большим волнением наблюдал за процессом. Вы ведь тогда были еще так юны.

— Была, — соглашается Анна. Ее давно уже не беспокоят такие напоминания.

Клерк приносит им не только чай, но и роскошную коробку из атласа, в которой торжественно покоятся конфеты.

— Что сейчас вспоминать дела давно минувших дней, — добродушно замечает Ермилов. — Думать следует о будущем.

Анна отказывается о чем-либо думать. Она кладет конфету в рот и зажмуривается от непереносимого, детского счастья.

— К счастью, с вашими удивительными навыками вы легко устроитесь в этом городе, — продолжает петь ростовщик.

Анна приоткрывает глаза, окидывает его насмешливым взглядом. Потом сует в рот еще одну конфету и несколько минут молчит, наслаждаясь. Делает глоток чая и только после этого отвечает:

— А вы, Лев Варфоломеевич, напрасно расхваливали своего доверенного человека. Плохо он справлялся со своими обязанностями, коли вы не знаете, что на ваших улицах происходит. Я нынче вряд ли вам пригожусь, ибо служу у Архарова.

На худом лице отражается искреннее замешательство:

— В отделе СТО?

— Младшим механиком.

Ермилов еще несколько мгновений смотрит на нее с потрясением, а потом громко хохочет.

— Ай да Архаров, какую пташку себе ухватил! — восклицает он. — Шустрый мальчонка, смею заметить. А я ведь, как узнал, что вы снова в Петербурге, столько планов успел нагромоздить! В наше время, Анна Владимировна, без хорошего механика не развернуться.

Она без зазрения совести съедает еще одну конфету.

— Это Ярцев меня так просватал? — спрашивает прямо. — Мол, ступай, Анечка, к Ермилову, Ермилов тебя к делу пристроит... А то, что после любого подозрения Анечке снова на каторгу дорога, его нимало не встревожило?

— Анна Владимировна! — оскорбляется ростовщик. — Ну разве я предложил бы вам что-то незаконное?

— Этого мы, к счастью, уже не узнаем.

— А что ж так? Жалованье в полиции скудное, а вы барышня с размахом. Ведь и стовориться можем, остороженько, тихонечко... Александр Дмитриевич человек сведущий, но и мы не лыком шиты.

Она смеется:

— Прямо сейчас на улице топчется приставленный ко мне филер. Вы же не думаете, что Архаров станет слепо доверять поднадзорной?

— Экое уважение, — Ермилов огорченно цокает языком. — Анна Владимировна, но коли уж вы тут, может, вскроете мне одну коробочку?

— Хотите меня заверить, что коробочка законная? — качает головой она. — Всё шутить изволите, Лев Варфоломеевич.

— А вот взгляните, — он достает из ящика стола небольшую металлическую шкатулку с крохотной замочной скважиной, скрытой за декоративной панелью. Анна с интересом рассматривает вещь, спрашивает деловито:

— А ключа, надо полагать, у вас нету?

— Потерял, — с усмешкой подтверждает ее догадку Ермилов.

Ох, как пригодились бы сейчас инструменты, подаренные Зотовым! Но они лежат в мастерской. Анна уже обдумывает, как решить эту головоломку... Что опасного, если она просто подцепит личинку замка тонкой проволокой, только тут осторожно надо, чтобы не сработала внутренняя ловушка, а она часто предусмотрена в таких механизмах... Никто же ничего не узнает...

Видя ее сомнения, Ермилов подбрасывает доводов:

— Двадцать рублей, Анна Владимировна.

— Сколько? — цифра ее отрезвляет. Еще несколько недель назад эти деньги показались бы манной небесной, но теперь, когда под кроватью лежат облигации, они кажутся жалкой подачкой.

Что она творит? Ради суммы, которая даже меньше ее месячного жалованья!

— Лев Варфоломеевич, соблазнять барышень вы совершенно разучились, — усмехается она и отодвигает от себя коробку. — Просто отдайте мне то, что оставил Ярцев.

— Тридцать? — торгуется он.

Она только качает головой.

У Ермилова такое откровенное разочарование на лице, что даже стыдно за старика. Он молча встает, достает из шкафчика завернутые в тряпицу деньги и передает их Анне. Она задумчиво оценивает: сколько из них ростовщик положил в собственный карман? Ярцеву стоило бы обозначить сумму, которую он намеревался передать, это избавило бы Анну от сомнений. Она пересчитывает червонцы: триста рублей.

— Не много же вы платили своему доверенному лицу, — заключает она прохладно.

— Так кто сколько стоит, Анна Владимировна, — не остается он в долгу.

Пытаться уязвить ее подобными выпадами — дохлое дело. Она и без того понимает, в каком жалком положении находится.

— Что ж, всего доброго, — Анна убирает деньги в карман, встает.

— Но вы приходите, когда надоест казенные щи хлебать, — прощается с ней Ермилов.

Она выходит на улицу, покидает двор-колодец, останавливается на тротуаре в поисках возницы. Кричит, нисколько не стесняясь:

— Василий! Может, скинемся на пар-экипаж? Вдвоем-то оно экономнее выйдет!

Он отделяется от стены, неотвязный и тихий, как тень.

— Ну кто же так себя ведет, — ворчит филер ей в спину. — Неужели так трудно притвориться, будто меня нет? Если придется с кем-то смениться, стыда не оберешься за такую подопечную. Как дитя малое, честное слово.

— Найдите лучше возницу, — просит она смиренно, — устала я что-то...

В квартире в Свечном переулке Анна, памятуя о прежних переживаниях домочадцев, объявляет сразу:

— Мать мне денег передала, не волнуйтесь только на пустом месте!

Она делит червонцы ровно на две половины:

— Виктор Степанович, это вашему сыну в крепость, пусть его там накормят, да теплую одежду ему справите.

Голубев молча смотрит на деньги перед собой, и неловкость уступает отцовской тревоге.

— Спасибо, Аня, — говорит он просто.

Остальное она отдает Зине:

— На хозяйство.

— Может, хотя бы пальто новое тебе справим? — та неуверенно глядит на червонцы, будто они кусаются. — Сколько можно носить покойническое.

— Да какая, собственно, разница, — досадует Анна. — Тепло, и ладно.

— Лимонов тогда тебе куплю.

— Купи, Зина.

На каторге Анна очень боялась цинги, ей часто снилось, как опухают десны и выпадают зубы. Но ей достались отменное здоровье и надежное тело. Оно никогда не подводит, послушно исполняет всё, что от него требуется. А внешность... что внешность? Вывеска.

Прожив восемь лет без зеркал, она всё еще видит в отражениях незнакомку. Анна помнит себя совсем иной — круглолицей, с ямочками на щеках. Теперь от ямочек и следа не осталось, но это мало ее тревожит. Пусть она нынче похожа на облезлую бездомную кошку, что с того? Главное — сыта, одета и спит по ночам в собственной постели, а не в казенной ночлежке.

— А меня мамаша мало того что на порог не пустила, так еще и хворостиной отходила, — вдруг сообщает Зина, убирая деньги. — Даром что карга старая, собралась с силами... Баяла, мол, дорогу сюда забудь, каторжная рожа... Хорошо хоть Александр Дмитриевич работу дал, а то таскалась бы сейчас по богадельням. Или чего похуже.

Анна, пораженная будничностью этой исповеди, замирает. Сердце сжимается от ужаса, жалости и гнева.

— А ведь я даже не каторжница, хоть меня туда и спроваживали, да роженица моя подсобила с адвокатом. Вон, как Васька у Виктора Сергеевича, в Петербурге отбывала, — заканчивает Зина обстоятельно, будто только путаница с ее наказанием и нанесла ей обиду, а вовсе не хворостина. — Только Васька в Литовском, а я в Петропавловской... Ань, ты суп будешь?

— Буду. Зин, ты, может, меня при случае стряпать научишь? А то чего я как барыня.

— Ешь уже, барыня, — смеется она. — Ты у нас, Аня, кормилица.

— Поилица и труженица вечная, — бормочет она себе под нос. — Виктор Степанович, вы чего?

Он вздрагивает и тоже торопливо убирает свою часть ярцевской милости.

— Может, и мой Васька горячего супа теперь поест, — говорит он тихо.

Утром в холле конторы многолюдно. Медников, привычно беспокойный, расхаживает туда-сюда, Прохоров пристроился на стульчике возле дежурного Семёна и читает газету. С десяток жандармов подпирают стены.

— А это с чего? — изумляется Анна, останавливаясь в дверях.

Голубев только здоровается и сразу направляется в мастерскую. Его тактика — держаться от сыщицких дел на расстоянии.

— Так Александра Дмитриевича с бумажкой от Зарубина ждем, — поясняет Прохоров. — А вы, Анна Владимировна, извольте полюбопытствовать.

Она берет из его рук газету.

«Вот так благотворительность!

Беглый каторжник — в роли наставника сирот!

Сенсация, в правдивости которой, увы, не приходится сомневаться. Речь идет о громком скандале в одном из странноприимных домов, коими кичится наша столичная благотворительность.

Как оказалось, в сиротском приюте при доме некоей г-жи Филимоновой в качестве учителя подвизался опасный преступник. Личность сия есть не кто иной, как беглый каторжник, осужденный за тяжкие преступления и находившийся в розыске. Но и это еще не всё! Тот же самый „педагог“ уже однажды предстал перед судом за нанесение тяжких ран своей ученице, молодой девице из благородного семейства.

Возникает вопрос, невольно срывающийся с уст каждого благонамеренного обывателя: каким же ветром занесло этого негодяя в богоугодную обитель, призванную печься о малых сих? Кто дерзнул вверить ему неокрепшие души сирот, этих невинных птенцов, и без того обделенных судьбой? Где были глаза у попечителей, у самой г-жи Филимоновой, наконец?..»

Анна изумленно поднимает глаза на Прохорова:

— Но как писаки узнали?

— От меня, вестимо, — с удовольствием произносит он.

— Это зачем?

— Посудите сами, — отвечает от неторопливо, — у нас таинственных, но очень высокопоставленных попечителей — воз и маленькая тележка. К чему нам ждать, пока они начнут давить на начальство и всячески мешать нам работать? Нет, Анна Владимировна, об этом деле нам следует звонить во все колокола, авось на шумихе и проскочим.

— А если преступники затаятся?

— А они уже затаились, — отмахивается он. — Мы Курицына взяли так грубо, что сразу понятно — шли прицельно за ним. Вот нам сейчас Александр Дмитриевич принесет разрешение на паспортную проверку всей богадельни, мы под это дело сверху донизу ее и перетрясем.

— Вот оно что, — она понимающе смотрит на шеренгу жандармов. — Что ж, удачи вам с этим.

— А вы с нами едете. И подумайте еще вот о чем, — велит Прохоров. — Я ваш отчет вчерашний с утречка прочел. Курицын купил в Москве инструменты, которые могли быть задействованы в подготовке убийства. Всё это очень глупо, на мой взгляд, — зачем же ему

было лично светиться? Как бы нам выведать, способен ли он столь ловко потрудиться над умывальником? Не может же такого быть, чтобы он оказался на все руки мастером?

— Легче легкого, — пожимает плечами Анна. — Любой опытный сиделец знает, как снять обычные наручники. И уж тем более это знает Курицын, с его-то опытом побегов. А вот если в корпусе замка забыть тонкую стружку, то наручники заклинит. Тут ты либо профан в механике и остаешься в браслетах, либо проявляешь инженерную сметку и освобождаешься.

Прохоров несколько минут смотрит на нее озадаченно, а потом ухмыляется:

— Вот будет конфуз, если он от нас тоже сбежит.

— Ну, охраняйте получше, — философски отвечает она.

— Охраняем. Выписали из отдельного корпуса жандармов несколько надежных ребят.

— Своих не хватает?

— Свои могут и придушить Курицына ненароком, — угрюмо говорит Прохоров. — За Федю... Ступайте-ка вы пока за инструментами.

Она кивает и послушно спешит в мастерскую. Возвращается одновременно с Архаровым — и таким она его, кажется, прежде не видела. Сейчас он неуловимо похож на гончую, азартно преследующую добычу.

— Помчали, братцы! — командует он энергично, а потом неожиданно придерживает Анну за локоть: — А вы будьте добры в мой экипаж.

Она только глаза закатывает. Всем хорош филер Василий, но уж больно болтлив.

Времени зря шеф не теряет и, стоит им только тронуться, приступает к допросу:

— Анна Владимировна, вам деньги понадобились?

Она разглядывает его распухшую губу и задается вопросом, как тяжело рассказывать родителям о гибели их сына.

— Я на вас, Александр Дмитриевич, разорюсь скоро, — вслух говорит она. — Вы мне еще тридцать копеек из поезда не вернули.

— И снова должен? — удивляется он.

— Теперь уж тридцать рублей.

Он молча достает из нагрудного кармана бумажник и скрупулезно отсчитывает бумажки. Протягивает ей.

— Тридцать копеек еще, — въедливо напоминает Анна.

Он вздыхает только и звенит медяками. Она с усмешкой обменивает их на письмо от матери. Архаров колеблется:

— Кажется, это личное.

— Да чего уж личного, если даже к ростовщику тайком не сбегать.

Пока он читает, Анна думает о том, что ей нравится, когда он выполняет ее требования. Есть в этом что-то удивительно правильное.

Архаров возвращает письмо довольно быстро.

— Что ж, по крайней мере, искать Елену Львовну нам не придется, — замечает он спокойно. — Так если вы получили неожиданную премию от Ярцева, с чего же меня взяли грабить?

— С того, что Ермилов просил о некоей услуге, а я ему гордо отказала. Так и заявила: не могу, миленький Лев Варфоломеевич, поскольку служу у Архарова.

— Возвращайте тридцать рублей! — возмущается он. — Я не собираюсь платить вам за то, что вы ведете честную жизнь! Вы за это, между прочим, жалованье получаете.

— А вы отнимите! — задиристо отвечает она.

Он откидывается на сиденье, прищуривается, смотрит изучающе.

— Предлагаете? — уточняет коротко.

И ей нестерпимо хочется покраснеть. К счастью, пар-экипаж подбрасывает на ухабе, и жгучесть мгновения испаряется.

— Вечером нас ждут у Данилевского, — скучно уведомляет Архаров.

— А я там зачем? — хмурится она.

— Затем, что ему любопытно с вами познакомиться. А мне любопытно, что он расскажет о сиротках.

У Анны портится настроение. Мелькать среди высокопоставленных персон ей не очень-то хочется. Светский мир крохотный, а слухи там разлетаются с невероятной скоростью. Да и чересчур легко нарваться на старых знакомых.

— Ну, по крайней мере, вы получите бесплатный ужин, — утешает он. — Повар, по слухам, у графа отменный.

— Ну, по крайней мере, ужин, — вяло бормочет себе под нос она.

ГЛАВА 06

Паспортная проверка в богадельне удивительно похожа на обыск. Анна вскрывает железный ящик с документами из кабинета гримзы Аграфены — впрочем, тут бы и без нее справились при помощи любого лома. Простенький сейф в богатом кабинете директрисы приюта тоже особой сложности не представляет. Жандармы заглядывают во все углы, сундуки и шкафы. Сиротки ходят за ними по пятам, нисколько не испуганные, и подсказывают, где у них хранятся учебники и веники.

Архаров носится из комнаты в комнату и мрачнеет всё сильнее.

— Ничего, — жалуется он Прохорову. — Не могли же они успеть всё попрыгать?

— Всё не могли, — рассеянно отзывается старый сыщик, — но что-то успели. Или мы ищем не то и не там, Саш.

— А что вы ищете? — интересуется Анна, заскучавшая без дела. Она сидит на подоконнике и разглядывает девочек: одинаковые серые платица, одинаковые косы, чистенькие мордашки. Они кажутся по-взрослому серьезными.

— Липовые паспорта хотя бы, — тоскливо говорит Архаров. — У Курицына-то бумажки исправно были выправлены. На оружие я даже не рассчитываю.

Анна соскальзывает с подоконника, выходит на улицу, задирает голову и пересчитывает окна. Мысленно представляет себе расположение комнат и приходит к выводу, что всё вроде как правильно. Оглядывается по сторонам. Вот женский дом, но там только койки. Вот приют, но там только дети. Если обернуться, то можно увидеть богадельню — кухня, столовая и одна огромная комната с нарами, где бездомные перебиваются в особо холодные ночи.

В стороне хозяйственные постройки, кладовые, погреб. Оттуда тоже доносятся голоса жандармов.

Что и где тут можно спрятать?

Не придумав ничего умного, она прохаживается по внутреннему двору, раздражаясь от бесполезности всей этой затеи. Может, Прохоров прав — рано арестовали Курицына? Может, следовало остаться здесь подольше под личиной нищенки?

— Скучаете, Анна Владимировна? — раздаётся тихий мужской голос, полный ехидства. Едва не подпрыгнув от неожиданности, она резко поворачивается. Перед ней тот самый священник со сбитыми костяшками на руках, который принимал у нее исповедь.

— Быстро вы выяснили, как меня по батюшке величать, — хмуро отмечает она.

— Помилуйте, голубушка! Девушка-механик из благородных, недавно вернулась с каторги... А по всему городу шепчутся, что Архаров к себе поднадзорную взял. Долго ли гадать пришлось? Он ведь вас в свое время и посадил. Сначала посадил, а потом приголубил, вот же душа беспокойная.

Анна столбенеет от подробностей сей справки. Стало быть, правильно она сделала, что не осталась тут и дальше, — ее бы мигом на чистую воду вывели.

— Эко вы вовлечены в дела мирские, — бормочет она.

— А чего же, у нищих все на виду. В одной подворотне шепнули, а в другой откликнулись.

— Неужели полицейская проверка вас нисколько не тревожит?

— Так не впервой, милая. Всё-то в нашей благодости подвох ищут, всё шныряют, сундуки перетряхивают. А мы люди смиренные, маленькие.

— Где же вы так руки разбили, батюшка? — невинно интересуется Анна.

— Евангелие толковали, — благостно отвечает он.

На обратной дороге в пар-экипаже Архаров и Прохоров сохраняют спокойствие, Медников же пребывает в полном отчаянии.

— Да вы поймите, Юрий Анатольевич, такова наша служба, — внушает ему Прохоров. — Порой с ног сбиваешься, а толку — пшик.

— Что же это выходит? Что у нас нет никакой надежды раскрыть это дело? — кипятится Медников. — Курицын молчит, тетки вчерашние тоже ничего толкового не сказали. Евдокия вспомнила сиротку из Твери, которую ей Сахаров однажды привел, девица была записана как Мария Иванова. Да только, по словам Евдокии, сирота давно выросла и покинула приют. Куда канула — неизвестно. Как выглядела — не помнит. Тело в вагоне мы опознать не можем, убийцу найти тем более. Одни домыслы да теории.

— Значит, спихнем на Курицына это убийство. Инструменты купил — значит, виновен. Суд не будет придирааться, повесить на колодочника глухой труп — милое дело, — пожимает плечами Прохоров.

Медников взирает на него со сложной смесью ярости и бессилия.

— Думайте, Юрий Анатольевич, думайте, — предлагает Архаров. — Это же ваше дело. Мы с Григорием Сергеевичем в вашем расположении, готовы помочь.

Медников переводит взгляд с одного на другого:

— Да за что мне ухватиться-то?

— Нотариус, который оформлял завещание вдовы Старцевой. Сироты из приюта, которые могли быть устроены на железную дорогу. Липовый паспорт, который нашелся у Курицына, — хорошо бы найти, кто его рисовал, — скучно перечисляет Архаров. — Квартирная хозяйка, у которой жил Курицын. Потолкайтесь на улицах, потолкуйте с мазуриками, со сбродом всяким, авось что и выплывет.

— Со сбродом всяким? — слабым голосом переспрашивает Медников.

— Всегда помогает, — смеется Прохоров. — Если ничего интересного не нароете, хоть знакомства заведете.

— Со сбродом всяким?

— Пора вам осваиваться в Петербурге.

Анна успевает заехать домой и переодеться в синее платье, купленное для Фалька. Конечно, оно вряд ли хоть кого-то впечатлит, но куда приличнее того, в котором она предпочитает ходить на работу.

Как и Медникова, ее накрывает апатия. Кажется, следствие зашло в тупик, а обыск в богадельне принес больше вреда, чем пользы, — как и статья в газете.

— Может, дать объявление? — размышляет она, забравшись в безликий пар-экипаж, в котором ее ждет Архаров. — Мол, просим откликнуться сироток из приюта благотворительницы Филимоновой... Денег им пообещать, что ли.

— И завтра у нас в конторе выстроятся очереди из марушек всех мастей. Уверю вас, ни от одной из них толку не выйдет, — невозмутимо возражает Архаров. — Анна Владимировна, не принимайте так близко к сердцу. Лихие кавалерийские наскоки не всегда приводят к успеху.

— И ведь главное, священник всю биографию мою вынюхал, — ежится она.

— В этом городе вы бы всяко не умерли с голода, — произносит он отрешенно. — Коли бы не я вас перехватил, быстро появились бы иные желающие. Вы бы нынче шелкали сейфы и в шелках разгуливали. Ярко, но недолго.

— Отчего же недолго?

— Оттого, что рано или поздно я бы вас нашел и снова посадил.

От этих слов по спине снова стелется холод, и Анна особенно остро ощущает свою уязвимость. Ей кажется, что ниточка, на которую подвешена ее жизнь, слишком тоненькая.

— Как мудро с вашей стороны избавить свой отдел от лишней беготни, — с вымученной саркастичностью усмехается она.

Он ничего не отвечает, смотрит в окно. Замкнулся, задумался, и Анна вдруг ловит себя на мысли, что ее пугает подобная отстраненность. Слишком быстро она забыла, кто на каком месте находится. И какая-то неистребимая потребность лезть на рожон, неблагоприятно, упрямо, тянет ее за язык.

— А еще мудрее было бы, — резко произносит она, — и вовсе не возвращать меня в Петербург.

— Возможно, — по-прежнему не глядя на нее, роняет Архаров. — Да только Владимир Петрович очень настаивал.

Имя отца бьет сразу под дых и лишает ее возможности беседовать дальше. Разом онемевшая, оглохшая и ослепшая, Анна застывает каменным изваянием и больше за всю дорогу не произносит ни слова.

Они подъезжают к респектабельному особняку, однако не к парадному подъезду, а к черному входу. Строгий лакей провожает их в столовую, и Анна не смотрит по сторонам, отмечает только, что Данилевский не тяготеет к показной роскоши.

Сам хозяин особняка — поджарый, некрасиво стареющий, с залысинами и резкими чертами лицами — встречает их в столовой. Военная выправка и скупые движения выдают в нем человека, многие годы проведенного на службе.

— Александр Дмитриевич, — сухо произносит он, — вы уж не обессудьте из-за такой таинственности. Бравировать дружбой со столичным сыском мне вовсе не с руки.

— Ну разумеется, — спокойно пожимает плечами Архаров.

— Анна Владимировна, — граф указывает ей на место за столом, однако не пытается отодвинуть стул. — Рад познакомиться. Признаться, только любопытство на ваш счет и сподвигло меня согласиться на эту встречу. Ловко вы Лукинського за пару часов раскрыли, а ведь мои сотрудники неделями не могли сообразить, что к чему. Впрочем, я не удивлен. Хорошо зная вашего батюшку, нетрудно вообразить, какое блестящее образование вы получили.

— Добрый вечер, Яков Иванович, — сдержанно говорит она, изо всех сил стараясь настроиться на светский лад. — Электричество нынче новинка, экзотика, вот ваши сотрудники и не догадались, в чем дело.

— Электричество, — раздраженно цедит Данилевский. — Мы только-только к механическим чудесам привыкли, а тут нате вам, получайте. Уж больно суетен нынешний век.

— Однако вы тоже не газовыми рожками пользуетесь, — меланхолично замечает она, указывая на лампы под потолком.

— Верно замечено, — улыбается он. — Впрочем, вы присаживайтесь. Сейчас подадут ужин. Заодно и расскажете, что вам понадобилось. Вот за что я не люблю вас, Александр Дмитриевич, так это за корысть. Ни одной услуги не окажете, не стребовав что-то взамен.

— Служба такая, — разводит руками Архаров.

Два лакея ловко расставляют по столу тарелки с заливной рыбой, румяными пирожками и расстегайчиками.

— Яков Иванович, вы ведь и сами догадываетесь, что именно нас интересует, — замечает Архаров.

— Богадельня Филимоновой, — отвечает Данилевский. — А то как же, читал, читал. Каторжника там беглого пригрели?

— Так и есть.

— Сама Филимонова дамочка вздорная, легкомысленная. Дела приютские ее мало интересуют. Всю работу выстроил ее покойный отец, мощный был человек, пронырливый.

— Кто же теперь управляет наследством?

— Некая Евдокия Петровна, женщина старой закалки. Она еще при господине Филимонове начинала, а теперь держит в руках его дело крепко, надежно.

Анна вспоминает слова девочки: «Она в приюте самая главная, Стешка ее боится... А бабушка говорит — раба божья...»

— Что же это за дело? — небрежно интересуется Архаров, отдавая должное закускам.

Лакеи приносят консоме из дичи, и Анне на какое-то время хочется забыть обо всем — о прошлом, отце, богадельне, но на душе гадко, тревожно. И крепкий прозрачный бульон лишен хоть какого-то аромата.

— Хорошее дело, — не терпящим возражения голосом заявляет Данилевский. — Вы, Александр Дмитриевич, каторжника этого отправьте снова на рудники да и забудьте о приюте.

— Яков Иванович, вы же понимаете, что я всё равно докопаюсь до сути, — мягко произносит Архаров.

Данилевский с удовольствием ест и не торопится что-то рассказывать.

— Вкусно? — после затянувшегося молчания спрашивает он.

— Вкусно, — подтверждает Архаров.

— Повар, которого я всем представляю французом, — из сиротского приюта.

— Вот как?

— Евдокия Петровна поставляет мастеров всех мастей. Скажем, для казино я у нее заказываю хорошеньких барышень, безупречно мухлюющих в карты. Горничные, модистки, охрана, лакеи — в приюте вам подберут вышколенную прислугу. По слухам, редких специалистов вырастят именно для вас.

— Таких, как убийцы? — небрежно интересуется Архаров.

— Нет-нет, Александр Дмитриевич, тут вам меня не подловить. Я в подобные игры не играю.

— Ну, предположим, я некое сиятельное лицо, — вслух размышляет Архаров, — и желаю нанять красотку для развлечения...

— Александр Дмитриевич, ну не при барышне же, — пеняет ему Данилевский сконфуженно.

— Эта барышня — сотрудник полиции, а краснеть у нас быстро отучаются... Как я поступлю? Отправлю своего человечка в приют? А если мне не хочется доверять свои низменные желания прислуге? Как я свяжусь с этой Евдокией?

— Отец Кирилл в Рождественском соборе на Английской набережной, — неохотно сообщает Данилевский. — Респектабельно, безопасно, надежно. Вы просто исповедуетесь ему... в своих пороках. И однажды с вами свяжется тот, кто эти пороки исполнит.

Архаров покидает Данилевского в превосходном настроении.

— Я только одного не поняла, я-то тут зачем, — мрачно ворчит Анна в экипаже.

— Правда не догадываетесь? — удивляется Архаров.

— Правда не догадываюсь.

Он бросает на нее косой взгляд:

— Ваша семья, Анна Владимировна, как пороховая бочка. Стоит чиркнуть спичкой — и вот уже всех вокруг разметало. Обещаете без глупостей?

Она не торопится давать ему хоть какие-то гарантии. Мучительно думает. В затылке ломит.

— Граф захотел меня видеть из-за старой дружбы с отцом?

— Полагаю, прямо сейчас он описывает Владимиру Петровичу свои впечатления об этом ужине.

Анна стискивает виски руками. Дыра в груди становится размером с Сибирь.

— Как много отец знает обо мне? — спрашивает она глухо.

— Примерно всё.

Конечно. Великий Аристов, который всегда вникал в каждую мелочь на своих заводах.

Она не может о нем ни думать, ни говорить. Как бы то ни было, отец всегда оставался самым важным, самым необходимым человеком в ее жизни.

Но, кажется, чем дольше она уклоняется, тем хуже становится.

— Неважно, — выдыхает она обессиленно. Этот вечер выбил хрупкую опору из-под ног, которая едва-едва упрочилась после письма матери. — Что будет теперь с расследованием?

— Теперь, — Архаров ухмыляется, — кто-то из наших сотрудников отправится прямо-таки к отцу Кириллу в Рождественский собор и попросит о моем убийстве. А мы посмотрим, что будет дальше.

— Как?! — все мысли моментально разлетаются, словно толстые городские голуби из-под ног. — Вы с ума сошли?

— Отчего же? Обычная сыщицкая работа.

— Да кто же в здравом уме на себя охоту объявит!

— А на кого мне объявить? На мальчишку Медникова или на старика Прохорова?

— А красотку для развлечения вы не можете себе заказать? — огрызается Анна, раздраженная этакой беспечностью.

— Как-то мелкогато, — морщится Архаров.

— Понятно, — злится она. — Прав был ваш брат: вы обычный авантюрист, который помешан на риске. Знаете что? Если вас убьют, я только рада буду!

— Позвольте в этом усомниться, — парирует он невозмутимо. — Я вам пока нужен, Анна Владимировна, живым и при исполнении.

Ей так хочется оказаться где-то за пределами экипажа, что она едва не выпрыгивает на ходу. Как же возможно, чтобы Архаров снова и снова подводил ее к самому краю ненависти и гнева?

— Да идите вы к черту! — отчетливо говорит Анна. — На что вы рассчитываете — что я всю жизнь буду вам кланяться в пояс? А вы продолжите у меня за спиной отчеты моему отцу строчить?

Архаров театрально делает резкий жест, будто зажигая спичку о кулак, а потом вдруг хлопает ладонями прямо перед ее носом:

— Бам! Вот и взрыв.

Она отшатывается:

— Да как вы смеете!

— Анна Владимировна, я вас очень прошу — поговорите с Владимиром Петровичем, — устало произносит он. — У вас совершенно расшатаны нервы, и ни к чему хорошему это не приведет.

Пар-экипаж останавливается у дома Голубева, но Анна не двигается. Ей так страшно ступать на эту почву, что почти больно дышать.

— Александр Дмитриевич, объясните, как вы смогли создать и возглавить собственный отдел, — требует она. — Для вашего чина и возраста удивительное карьерное достижение.

— Ну наконец-то вы спросили, — усмехается он. — Разумеется, мне дали полномочия только благодаря поддержке главного инженера Империи.

— Подождите, — ей действительно пора научиться не впадать каждый раз в полуобморочное состояние от упоминания об Аристове. — Давайте-ка всё с самого начала.

— Давайте, — покладисто соглашается он. — Во время работы над группой Раевского мне стало кристально ясно, что количество преступлений подобного рода только вырастет. Преступники охотно подхватывают все достижения прогресса, а полиция медлительна, неповоротлива. Тогда еще это не было четким планом, а просто... скажем так, размышлением о будущем.

— Вы пришли к моему отцу и предложили ему сослать меня на станцию «Крайняя Северная», — подхватывает она задумчиво. — Так вы убили двух зайцев: уберегли молодую преступницу от гибели на рудниках и завели очень полезное знакомство.

— С вами приятно иметь дело, — хвалит ее Архаров. — Всё верно. После суда над вами Аристов лишился статуса поставщика Императорского Двора, потерял многие военные заказы, даже один из заводов ему пришлось отписать казне. Но он всё равно был и остается блестящим инженером. И через несколько лет, когда я представлял градоначальнику Санкт-Петербурга докладную записку о создании отдела СТО, к нему прилагалось заверение Владимира Петровича о полном оснащении будущего отдела. Определитель, архивный регистратор, протоколтон — это ведь всё изобретения Аристова, созданные по моему специальному заказу и под нужды моих сотрудников.

— Я могла бы догадаться, — вздыхает она. — Уж больно хороши агрегаты. Мало кто может создать такие сложные устройства.

— У вашего отца было только одно условие: вы должны жить в столице. Еще он боялся, что каторга вас сломила, лишила воли к жизни. Он хотел сразу приставить вас к такому делу, которое полностью займет ваш деятельный ум и поможет выйти из апатии.

Анна смеется: убежать так далеко, почти на другой конец света, а в итоге снова оказаться в собственной детской, где все взрослые решения принимает за нее отец.

— Тогда-то я и предложил взять вас к себе на службу. Тем более что к тому моменту ваше прошение о возвращении целый год кочевало из кабинет в кабинет, — продолжает Архаров. — Никто из высших чинов не желал давать свое одобрение — бывшая каторжница в Петербурге! Скандал! И мы с Владимиром Петровичем выступили вашими поручителями. Он поставил на кон свои заводы, ну а я — свой отдел. Это была негласная сделка с Орловым, но заверяю вас: коли что случится, он свое взыщет.

Об этом ей и Прохоров раньше рассказывал: Анна оказалась в полиции благодаря указу градоначальника Санкт-Петербурга, его превосходительства тайного советника Никиты Платоновича Орлова. Она еще тогда удивлялась — какая высокая честь для маленькой поднадзорной.

Она обдумывает услышанное. Наконец-то отрывочные подозрения, несвязанные ниточки, непонятные события выстраиваются в стройный порядок. Вот почему Архаров встретил ее сразу с вокзала, вот почему он приставил к ней филера, вот почему снова и снова, кнутом и пряником, принуждал соблюдать законы, даже в самых мелочах.

Надзиратель, приставленный к ней отцом, — довольно незавидная роль. Вряд ли эта роль доставляет Архарову удовольствие, но ради своей службы он пойдет и не на такое. Вон даже собственное убийство планирует заказать.

Анне по-детски хочется отобрать у отца эту игрушку. Сделать так, чтобы его человек стал ее человеком, — хоть чем-то в своей жизни она может владеть? Она вдруг ясно понимает, что хочет владеть Архаровым.

— Если вас убьют, — наклонившись вперед, шепчет она, — вы так никогда и не узнаете, как далеко мы с вами можем зайти.

— Если у судьбы есть чувство юмора, — шепчет он в ответ, и тепло его дыхания касается ее лица, — то я обязательно выживу.

ГЛАВА 07

Анна так злится, что не сразу соображает: наступила суббота. Стало быть, пора собираться к инженеру Мельникову, и теперь до понедельника никаких новостей не появится.

Если за эти два дня Архарова действительно убьют, не видать ей своего паспорта никогда. Где еще отец найдет такого одержимого своим отделом начальника, который согласится держать на службе механика с ее прошлым и уж тем более — хлопотать о ее заслугах?

Она торопится по заснеженным улицам и делает ставку: если Архаров останется целым, Анна напишет отцу. А уж дальше будь что будет.

Ей не нравится жить с расшатанными нервами. Ей нужна трезвая холодная голова, а не надоевшие до зубного скрежета стенания и драмы.

Воскресенье она терпеливо проводит в библиотеке, не позволяя своим переживаниям сбить себя с привычного распорядка. Вечером Зина затевает великую уборку, а Анна подтягивает котел для горячей воды, меняет изношенные детали, налаживает их работу, чтобы избавиться от надоевшего гудения.

Ночью она лежит в кровати, прислушиваясь к тихому похрапыванию Зины, и только этот мирный звук дает ей опору в призрачной темноте вокруг. Всё как будто ненастоящее, зыбкое, дарованное отцовской волей, а невеликие достижения Анны, простые радости и крохотные успехи снова не стоят ничего.

И всё же, строго спрашивает она саму себя, как тебе больнее: когда отцу плевать на твою дальнейшую судьбу или когда он деятельно устраивает ее с помощью подручных сыщиков?

Ответ теряется где-то в дебрях забытых детских обид, куда лучше и не заглядывать, чтобы не заблудиться и не сгинуть. Утешает только положение, в котором оказался Архаров, — ему-то, поди, тоже не сладко. Надо думать, мало радости возиться с одичавшей на каторге девицей. Сам виноват, злорадствует Анна, такова его плата за блестящую карьеру.

Это удивительно, но она ему верит — по крайней мере в том, что он искренне не хочет ее хотеть. На его месте она бы тоже была в ужасе от таких душевных кульбитов, тоже бы металась от неприличной прямолинейности к попыткам бегства.

На своем же месте она начинает получать удовольствие от происходящего.

Слишком долго Анна находилась в зависимом положении, а теперь в ее руках какая-никакая, а власть. Архаров обозначил свои намерения, предупредил об опасности их связи и оставил последнее слово за ней. Хоть что-то в этой жизни наконец зависит только от нее.

Пожалуй, никогда еще Анна так не торопилась на службу и никогда еще не приходила так рано. Ночной дежурный не сменился, при виде ее вытягивается в струнку, радуясь возможности стряхнуть сонливость.

— Никого из сыщиков пока нет? — спрашивает она.

— Так ведь не время, — удивляется дежурный.

— Конечно... А дайте мне ключики от комнаты с определителем, пожалуйста.

На его лицо ложится тень.

— Анна Владимировна, — тянет он виновато, — не положено ведь.

— Я сопровождаю, — произносит подошедшая к ним Началова. Хорошенькая, в богатом полушубке из сибирской белки, румяная с мороза, она кажется изящным цветком, распустившимся среди камней.

— Не спится вам, Ксения Николаевна? — спрашивает Анна, поднимаясь за машинисткой по лестнице. Ее всё еще удивляет, что такая со всех сторон благополучная барышня добровольно поступила в полицию.

— Да меня завалили документами из богадельни, — объясняет Началова. — Паспорта, выписки, справки, книги расходов и доходов... Даже вчера пришлось приехать в контору. А тут только я да Александр Дмитриевич. Очень неловкая история.

Значит, по крайней мере вчера Архаров был жив. Хотя Анна даже не знает, зашел ли кто-то из полицейских на исповедь в Рождественский храм или операция еще только планируется.

— Отчего же неловкая? — отвлеченно спрашивает она, пока Началова гремит ключами, открывая кабинет сыщиков. На самом деле Анна просто повторяет последнюю фразу, не особенно вникая в смысл или интересуясь ответом.

— Ну, знаете, мы вдвоем на целом этаже. Разные сплетни могут пойти.

Ах, ну конечно. Молодые девушки блюдут свою репутацию, это Анна давно перестала.

— А вы что хотели-то? — спохватывается Началова.

— Проверить одну вещь.

Она идет в каморку, обходит определитель по кругу и наконец замечает то, что не видела прежде, — клеймо мастера. Витые буквы «ВА», от которых с раннего детства ее брала легкая дрожь гордости.

— Владимир Аристов, — замечает Началова, глядя на то, как Анна кончиками пальцев касается клейма. — Ваш отец, насколько я слышала?

— Мой отец.

Когда-то ей так нравилось быть его дочерью. Это делало ее совершенно особенной в глазах других людей. За отцом всегда тянулся флер благоговения и всеобщего уважения. Где бы он ни появлялся, это неизменно производило эффект.

Высота, с которой Анна упала, головокружительна.

— А вы не жалеете? — шепчет Началова с робостью человека, который совершенно точно знает, что лезет не в свое дело, но ничего не может с собой поделать.

— О чем? — не понимает Анна.

— О том, что погубили себя из-за любви.

Она явно восхищается и одновременно ужасается порочностью своей собеседницы.

Однако перед Началовой стоит не та Анна, которая сжигала досье Раевского в мусорном баке. Пока непонятно, какой женщиной она становится («Удивительной», — голосом Архарова шепчет память), но сдаваться явно не намерена.

— Ксения Николаевна, — мягко отвечает она, — я совершенно не считаю себя погубленной.

— Как? — с детской непосредственностью ахает та, и Анна смеется.

— У меня есть работа, дом, семья, — перечисляет она, поскольку Зина и Голубев действительно ею стали.

— Но ведь... ведь теперь ни один приличный человек из хорошего общества не решится к вам посвататься, — выпаливает Началова, и в ее голосе слышится неподдельное сожаление.

— Что ж, значит мне повезло, раз меня притягивают неприличные, — снова смеется Анна, чем окончательно приводит Началову в смятение.

Она сталкивается с Прохоровым на лестнице и сразу цепко хватает его за рукав.

— Кто-то уже ходил в Рождественский храм? — спрашивает тихонько.

Он страдальчески кривится:

— Зря Александр Дмитриевич с вами разоткровенничался. Ну к чему барышне-механику вникать в такие детали сыщицкой службы?

— Падать в обмороки и заламывать руки я не намерена, — успокаивает его Анна.

— Ну а коли вам всё равно, так чего любопытствуете? — ехидничает он.

— Григорий Сергеевич, — сердито шипит она, — вам сказать сложно?

— Вчера один мелкий купчишка сунулся в храм, — сдаётся Прохоров, — и дюже изволил жаловаться на некого Рыбина, который повадился лазать в окно его жены.

— Какого Рыбина? — изумляется Анна. — Какой жены?

— А вы чего ожидали? — в свою очередь удивляется Прохоров. — Что мы попросим убить начальника отдела СТО? Это после всей шумихи, которую мы закатили? Нет, тут у нас налицо драма маленького человечка, который устал сносить обиды.

— А Рыбина-то вы где взяли?

Прохоров награждает ее сочувствующим взглядом, от которого она тут же ощущает себя дурочкой. Анна немедленно вспыхивает: а вот если она его в ответ завалит тангенциальными напряжениями в золотниковом механизме или спросит про зазор в подшипнике скольжения? Получится ли у него сохранить такой же умный вид?

— Настоящий Рыбин уехал к тетке в деревню, а вместо него Александр Дмитриевич покамест в усах походит.

— И к жене купчишки в окно продолжит лазать? — уточняет она, в очередной раз уверяясь в том, как тщательно Прохоров готовит чужие личины. Она уже на своей шкуре успела ощутить его предусмотрительность — во время липового ареста в Тряпичном флигеле. Старый лис не позволит, чтобы с его драгоценным Сашенькой что-то плохое случилось, тут можно не сомневаться. Однако изуродованный женский труп в вагоне первого класса явственно говорит о том, что убивать воспитанники богадельни умеют ловко.

— Всенепременно продолжит, — охотно кивает Прохоров.

— И как долго сей маскарад продлится?

— Нам обещали решить дельце в неделю. Содрали пятьдесят целковых, между прочим.

— Всего? — вырывается у нее.

Как дешева, оказывается, человеческая жизнь.

Неделя похожа на кисель — густая, едва тянущаяся. Анна прилежно работает, помогает Пете с Клерком, и Прохоров блестяще задерживает мошенника в одном из банков.

Кажется, что с приходом по-настоящему крепких морозов Петербург притихает, греется у печурок и не спешит совершать преступления. Анна возится в лаборатории со снимками, перебирает фотоматроны, чуть-чуть усовершенствует проклятон, отчего тот делает меньше ошибок при записи. Это вызывает в ней настоящий приступ самодовольства: она доработала устройство, изобретенное отцом.

Все эти дни Архарова в конторе ожидаемо не видно, но Прохоров каждое утро прилежно докладывает: пока тихо. И она каждое утро возмущается: чего же тянут эти убийцы? Скорее бы уж всё завершилось.

Но богадельня свое слово держит, и вечером в пятницу Феофан врывается в мастерскую с ликующим:

— Повязали! Повязали душегуба, Анна Владимировна! Парнишка — в чем душа только держится, но сопротивлялся, как черт рогатый! Втроем еле скрутили. Благо, только с ножичком на мокруху пошел, без ствола.

— Какого душегуба? — подпрыгивает Петя, который искренне верит, что Архаров уехал к семье в Москву.

— Ранили кого? — спрашивает Анна как можно спокойнее.

— Не, — отмахивается Феофан, — так, Александра Дмитриевича поцарапали только, но это пустяк совсем. Медников и Прохоров сейчас попа этого под арест берут, — его простодушная физиономия, щедро украшенная веснушками, омрачается. — Грех-то какой в божьем доме такие злодейства проворачивать!

— Попа под арест — это плохо, — флегматично замечает Голубев. — Церковь вой поднимет до небес. У них свой собор, свой суд. От митрополита до пономаря — за своих горой стоят.

Анна молча дергает чистый лист бумаги из стопки и решительно пишет:

«Я бы хотела прийти в воскресенье на обед. Анна».

— Виктор Степанович, у вас случайно нет конверта? — обращается она к Голубеву. Тот молча перебирает бумаги на рабочем столе и протягивает ей требуемое.

Феофан, размахивая руками, в красках рассказывает Пете, как они охраняли, как ловили.

Анна выводит адрес и выходит в холл. Протягивает письмо дежурному Семё:

— Голубчик, не отправите с Митькой?

— Сей момент, Анна Владимировна!

Она возвращается в мастерскую и вместе с Петей дослушивает историю Феофана: «А он как прыгнет! А Архаров ему как в глаз!»

— Правда только царапина? — невпопад уточняет Анна.

— Да по шее только — чирк! Даже вену не задело.

— Даже, — передразнивает она сердито.

Феофан не понимает, в чем провинился, примолкает. Петя ставит чайник, звенит кружками. Голубев продолжает работать.

Анна сидит, и сердце отстукивает секунды. А если откажет?

А если нет?

Что страшнее?

— Эх, жаль, Ксения Николаевна куда-то убежала, — с непонятным Анне намеком вдруг заявляет Петя. — Я бы ей про определитель Бертильона новую статью показал — из «Записок Технического общества» выписал. Уж больно она этим увлекается.

Феофан, оживляясь, тут же подхватывает:

— Да что статья! Ей, поди, куда интереснее было бы, как мы нынче душегуба живьем брали. Целая операция!

— Ну, уж не знаю, — с напускной учтивостью парирует Петя, наливая кипяток. — Барышня образованная, к науке склонность имеет. Не всякая полицейскую хронику станет слушать.

— А я так полагаю, что всякая, — добродушно, но упрямо настаивает Феофан. — Особенно если рассказывать с толком, с подробностями, как в романе...

Анна не понимает, с чего бы обоим приспичило развлекать Началову, а тут еще и Голубев ей подмигивает, мол, послушайте только этих шалопаев.

Она пьет горячий чай, укутанная странным оцепенением. Будто зима пробралась внутрь нее и заморозила все мысли и чувства.

Время раннее, отец еще на каком-нибудь заводе. Если он и пожелает ответить, то завтра, а то и вовсе послезавтра. Она же не написала ему адрес Голубева! — вдруг пугается Анна и цепенеет еще сильнее. Но ведь он знает, где ее искать. Или, по крайней мере, знает, у кого спросить.

Она моет кружку, надевает пальто, прощается с коллегами, не в силах оставаться тут и ждать неизвестно чего. Однако на ступеньках ее настигает растрепанный посыльный Митька.

— Ответ, Анна Владимировна, — он на бегу вручает ей конверт и мчится внутрь, греться. Анна медленно снимает нарядные прохоровские варежки, вскрывает письмо и читает только одно слово: «Жду». Да и оно очень быстро расплывается перед ее глазами.

Инженер Мельников строго отчитывает ее за невнимательность, а Анну даже немножко щипает током, когда она вопреки его предупреждению решает проверить соединение пальцем, чтобы «почувствовать, есть ли тут искра».

Что же это за электричество дурацкое, мысленно ворчит она, выходя на улицу. Механика хоть не кусается.

При мысли о ненужном ей остатке вечера, который некуда деть и от которого некуда сбежать, ей становится дурно. Кажется, всё тело вибрирует от волнения, и это больше, чем она может вынести.

Анна ловит экипаж и просит отвезти ее в Захарьевский переулок.

— А вы не торопились, Анна Владимировна, проведать раненого врага, — усмехается Архаров, открывая ей дверь.

Она тут же упирается взглядом в щегольской платок на его шее, потом разглядывает цвет лица — здоровый, и только потом отмахивается как можно небрежнее:

— Так Феофан сказал — царапина.

— Черствая вы особа, — шуточно жалуется он, помогая ей снять пальто. — Черствая, но исполнительная.

— Прошу прощения?

— Не вы ли мне обещали, что если я выживу, то мы с вами забудем о благоразумии? Я свою часть сделки выполнил.

Она резко разворачивается к нему, кладет руку на самое его сердце — суматошное.

— Саш, — просит сбивчиво, — скажи мне, что я заслуживаю хоть какого-то уважения.

— Безусловно, — без малейшей заминки подтверждает он.

— Скажи, что ты правда желаешь меня.

— Недопустимо сильно.

Анна не знает, что она сейчас делает, — разрушает их обоих или пытается уцелеть сама. Понимает только, что ей невыносима жизнь, где все ее ходы расписаны наперед. Ведь даже поезда порой сходят с рельс, не то что живые люди.

Кровь разгоняется, горячет, и стылая каторжная стужа отступает перед этой волной.

Этой волной ее качает вперед — и Анна целует Архарова, давая волю той безрассудности, которая однажды уже сбила ее с ног.

ГЛАВА 08

Губы Архарова сухие и горячие, и Анна искренне изумлена тем, что действительно целуется с ним. Для женщины, решительно поставившей крест на подобного рода связях, это настолько нелепо, что остается только вцепиться в темный сюртук покрепче. Все ощущения теряют привычную размытость, которая надежно защищала ее с самого ареста. Возможно, так прозревает слепец — и тут же сходит с ума от невыносимой яркости красок.

Близость к другому человеку, мужчине, бьет наотмашь, куда сильнее удара тока, который она получила сегодня. Несколько секунд Анна борется со страхом и волнением, но Архаров уже обнимает ее, прижимает к себе, и его порыв подхватывает ее тоже.

Как и прежде, он почти ничем не пахнет, но если уткнуться носом в его щеку, то можно поймать совсем слабый аромат мыла. Подбородок едва колючий, она касается его кончиком языка — и щекотка отзывается в самом низу живота. Пальто между ними, которое Архаров

так и не успел повесить, как толстая стена, право слово. Анна пытается отстраниться, чтобы избавиться от него, но куда там! В каком-то неуклюжем бесстыдном вальсе они перебираются из прихожей в гостиную и всё же теряют по дороге пальто, а еще шейный платок и сюртук. Царапина и правда не похожа на опасную — длинная и тонкая.

Пуговицы — вот настоящий оплот добродетели. Анна и Архаров путаются руками, расстегивая то его рубашку, то ее платье. Он то и дело отвлекается, припадает губами к ее обнажающейся коже, от горла вниз, к новой преграде из сорочки. Хорошо хоть корсет совсем простенький, она просто дергает шнуровку, помогая себе дышать.

Волнение скапливается там, где обжигают поцелуи. Анна и не помнит, когда еще ее жизнь была настолько проста и понятна, когда ее голова была лишена всяких сомнений. Желание, возникшее не так давно, — присвоить Архарова себе — становится нестерпимым. Она не намерена ему отдаться, она намерена его взять. Это дарит немислимую свободу.

Всё равно ведь он знает ее как облупленную, видел в самых страшных, самых мучительных положениях, так что больше не стыдно. Анна толкает его к дивану, не давая времени избавиться хотя бы от брюк, перешагивает через платье, седлает. Крепко держит за скулы, внимательно наблюдая за переливами — почти в черный — в серых глазах. Ей жизненно важно видеть сейчас это лицо, необыкновенно выразительное, полное поражения и нетерпения.

И важно видеть, как приоткрываются в беззвучном вдохе его губы, когда она проводит по его плечам, спуская вниз рукава расстегнутой рубашки вместе с подтяжками, и — выдох — цепляет ловкими пальцами пуговицу на поясе его брюк, а потом расстегивает крючки. Он задирает ее сорочку, тянет вниз панталоны, и она приподнимается, помогая ему. Ловит поцелуи, на шее и ниже, а потом снова обхватывает ладонями узкое лицо. Глаза в глаза, губы в губы, не остается ничего, кроме их сбивчивого дыхания и медленного движения вниз. Между ног горячо, влажно, она замирает почти на весу, позволяя себе ощутить эту плотность в себе. Лицо Раевского вспыхивает и исчезает, всё становится совершенно неважным. Только архаровские глаза, в которых отражается она сама.

— А Надежды ведь нет дома? — спрашивает Анна, разглядывая потолок. Она уже успела отдышаться, но всё еще слишком ленива, чтобы двигаться. Они по-прежнему на диване, в гостиной, пропахшей едва схлынувшей страстью, одежда у обоих в полном беспорядке.

Архаров беззвучно смеется, целует ее в плечо:

— Не поздновато ли ты спохватилась? Нет, Надежда сегодня не приходила, у нее выходной.

— Повезло ей, — с усмешкой замечает Анна, потягиваясь. — Невелика радость — стать свидетельницей такой распущенности.

— Ты голодна? Накормить тебя ужином?

Она всегда готова поужинать, особенно на дармовщинку, но только не теперь. Теперь ей пора выметаться отсюда и, может, даже попытаться обдумать произошедшее.

Пока думать не получается.

Анна садится, удрученно разглядывает предметы одежды на полу и берется за тесемки распущенного корсета.

— Ты собираешься уйти? — не верит своим глазам Архаров.

— А что же? Станем играть в благопристойность и вести светские разговоры за столом?

Он молча запахивает на себе рубашку, и этот жест приводит ее в раздражение — в конце концов, Архаров не красна девица, чтобы уязвляться на пустом месте!

Анна больше не смотрит на него, одевается молча, и всё же ее укалывает сожаление по той легкости, которая владела ею совсем недавно. Словно наяву она слышит щелчки заклепок своих доспехов, которые входят в пазы. Это неприятно — возвращаться из тепла в холод, и

ее нервы не выдерживают. Прежде чем поднять свое пальто, Анна наклоняется и целует неподвижного Архарова — долго.

— Может, всё-таки останешься на ночь? — спрашивает он.

— И что я скажу Голубеву? Мол, так и так, грешила с начальством? Не усложняйте, Александр Дмитриевич.

Он снова меняется — от отчуждения перетекает к веселому ехидству. Вальяжно закидывает руки за голову, разглядывает ее с интересом:

— Стало быть, Анна Владимировна, вот как теперь будет? Вы будете появляться здесь, коли вам припечет, и уходить, как только я вам наскучу?

— Жалуетесь?

— Отнюдь нет. Наблюдать за вашими метаниями никогда не скучно.

Всё-таки обиделся, всё-таки защищается.

— Александр Дмитриевич, — строго говорит Анна, норовя побыстрее вынырнуть из этой неловкости, — вы только не принимайте меня близко к сердцу.

Он так искренне смеется, что она тут же понимает: не принимал и принимать не намерен. Слишком самоуверенно, значит, у нее вышло.

Разумеется, между ней и Архаровым не может быть ни душевной близости, ни нежности.

— И всё-таки давайте поужинаем, — приглашает он снова. — Игры в благопристойность разбавляют излишне густой цинизм.

Анна обдумывает его слова.

— Хорошо, — соглашается она медленно. — При одном условии: вы подробно расскажете мне обо всех сделках с моим отцом. Не хочу завтра услышать новые подробности от него. В родном доме удержать лицо мне будет сложнее.

— Что? — он даже чуть бледнеет, но всё еще спокоен. — Стало быть, вот почему вы сегодня примчались? Знаете, я отзываю свое предложение. Ступайте на все четыре стороны, Анна Владимировна.

— И вам доброго вечера.

Она поднимает пальто, но надевает его уже в прихожей. Находит свой пуховой платок в самом углу, выходит на улицу. Зима сразу бросает ей в лицо целую пригоршню снега. Холодно. Как же холодно. А до весны еще так далеко.

Анна стоит на верхней ступеньке, глядя на вьюгу перед собой. Злится.

Оглядывается на движение за спиной — дверь распахивается, Архаров появляется на пороге. Снег падает на рубашку, белое на белое.

— Я ведь не подорожник, Анна Владимировна, чтобы вы прикладывали меня всякий раз, когда вам больно, — говорит он расстроенно. — Вы никогда не пробовали думать обо мне как о живом человеке?

— Пробовала, — отвечает она без промедления. — Но оказалось, что Саши Баскова не существует.

У него дергается рот от этих слов, но Архаров упрямо молчит, упрямо мерзнет. Ей становится стыдно — она ведь обещала себе простить его сыщицкое рвение. А всё равно занозит, а всё равно отравляет.

Полная ледяного бешенства, Анна возвращается в дом. Без спроса сворачивает в кабинет, находит на письменном столе писчую бумагу, перо и строчит стремительно:

«Дорогой Виктор Степанович, я сегодня не приду ночевать, поскольку остаюсь у Александра Дмитриевича. Анна».

Она яростно протягивает записку Архарову:

— Велите отправлять?

— Осмелитесь ли? — он быстро глядит на записку и снова впивается в Анну внимательным, пронзительным даже взглядом.

— Полагаете, мне есть что терять?

Он пожимает плечами:

— Ну коли угодно...

— Сумасшедший, — шипит она, вырывает у него записку и комкает ее. Пишет новую: «Сегодня не приду. У меня всё благополучно, гощу у старых друзей. Анна». Отдает ее Архарову:

— Пусть ваши фискалы побегают.

На его месте она бы выставила себя из дома немедленно, но терпения Архарову не занимать. Он молча выходит, а Анна обессиленно бредет за ним, замирает на месте, вдруг потерявшись. Ну и кому она сделала хуже? Остаться тут на всю ночь и правда невыносимо, по крайней мере после того, как они только что снова изранили друг друга.

Это честная ничья: Анна сделала, как он просил, но Архарову вряд ли это принесет хоть какую-то радость.

— Всё это бессмысленно, — бормочет она, прикладывая холодные руки к тяжелому лбу, — так бессмысленно.

— Ты права, — откуда-то откликается Архаров. — Но жизнь вообще довольно странное изобретение.

Она идет на его голос и попадает на кухню. Оглядывается с интересом.

— Боже мой! — говорит с возмущением. — Ручной насос для воды? Вы шутите, это же прошлый век! А это еще что за сооружение? Дровяной котел? Мне стыдно за такое варварство. А на плиту и смотреть больно! У вас хотя бы инструменты есть? Регуляторы тяги совсем расшатались.

Он моргает, стоя посреди просторного помещения с бужениной в руках.

— Подожди, я за тобой не успеваю, — говорит умоляюще. — Мы еще ругаемся или уже помирились?

— Ну хотя бы плоскогубцы мне дай, — требует она.

Он растерянно оглядывается, пожимает плечами:

— Может, вон в том шкафчике? Ань, да я понятия не имею!

— А вот угорит твоя Надежда, как ты тогда запоешь? — огрызается она, открывает указанный шкафчик и тяжело вздыхает: там банки с крупами. В ящике со столовыми приборами обнаруживаются щипцы для сахара, и Анна, ворча, использует их с риском согнуть.

— Латунь мягковата, надо бы стальные втулки, — наставляет она между делом.

Архаров накрывает на стол тут же: режет буженину, достает квашеную капусту, хлеб, бутылку кваса. Анна искоса поглядывает на это роскошество.

— Да-а, Александр Дмитриевич, этак вы барышню не проймете, — насмешничает она, но уже без злости. Ужин холостяка забавный и немного трогательный, и ее понемногу отпускает. Да что она на него взъелась-то, в самом деле? Сама же пришла.

— Чем богат, Анна Владимировна, — в тон ей отвечает он.

Они устраиваются за тесным столом, не перебираясь в столовую. От еды Анна сразу добреет, на нее нападает лирично-любопытный дух.

— Коли вы о своих сделках говорить не намерены, — заводит она новый разговор, — так объясните мне: с чего это вы меня вдруг возжелали? Что за странные прихоти?

Он меланхолично жует, глядит на нее с грустной иронией. Глодает — кадык двигается по шее, отчего царапина чуть шевелится, и Анна ловит себя на мысли, что ей хочется поцеловать эту царапину.

— Знала бы ты, как часто я сам себе задавал этот вопрос, — отвечает неспешно. — Как ты понимаешь, мне вовсе не свойственны внезапные приступы бурной страсти.

— Нашел ответ?

— Более-менее. Согласно моим длительным размышлениям, что-то поменялось в тот вечер, когда я тебя уволил, — беспечно объясняет он. Для по-настоящему серьезных разговоров они еще недостаточно остыли.

— Из-за сожженного досье Раевского? — припоминает она. — Ты действительно сумасшедший. Я была уверена, что ты готов был мне шею свернуть...

— Я и был готов, — соглашается он, и тень давнего негодования касается его глаз. — Снова и снова, одни и те же глупости ради человека, который просто тебя использовал в целях личного обогащения. Ну не может же быть, думал я, чтобы ты совсем не поумнела за восемь лет. Даже после прощания с Тарасовой в крепости...

— Я тебе уже объясняла, что не пыталась защитить его, — вспыхивает она.

— Да. Ты сказала, что впервые защищала себя. И что ты всё еще пьяница, которая держится далеко от бутылки. Чистишь сюртуки извозчикам... Помнишь?

— Не очень, — признается она. — Я была не в том состоянии, чтобы понимать, какую чушь несу.

— Анна Аристова — и извозчики! Анна Аристова — и вдруг в кои-то веки откровенная. Наверное, впервые после возвращения ты была честна со мной. И я вдруг увидел тебя... да не знаю я, как описать, Ань, — перебивает он себя досадливо. — Раненая, злая, упрямая, гордая... Живая, наверное. А может, твое безрассудство просто заразительно.

Она хохочет.

— Са-аш, — стонет протяжно, — теперь понятно, отчего ты всё еще не женат. Кто же стерпит подобные комплименты!

Он перегибается через стол и целует ее, а она отбрыкивается, ерничает:

— Да уж живая женщина всяко лучше покойной!..

— Уймись ты, — он перехватывает ее за руки, перетягивает к себе на колени. — Я в конце концов сыщик, а не поэт!.. И я снова подпустил тебя слишком близко к себе... Только на сей раз всё совсем иначе. Ты изменилась, я изменился. В нас не осталось прежней наивности, ты уже не горишь, а тлеешь. Ну что же, видать, мой черед.

Она притихает, сдувает волосы, упавшие ему на лоб. Каким-то непостижимым образом та давняя, неслучившаяся дружба продолжает невидимо связывать их.

— Тебе придется и дальше быть моим подорожником, — произносит Анна тихо. — Тут ничего не попишешь, мне ведь нечего отдать взамен. Сейчас я могу только брать.

— Знаю, — он мрачнеет. — Просто сегодня ты застала меня врасплох. Я-то ведь уже успел размечтаться, что ты пришла проведать раненого героя.

Она скептически задирает бровь.

— Даже укус, который я тебе оставила, опаснее этой ссадины, — рассудительно указывает на очевидное и устраивается поудобнее, чтобы ухватить еще один кусок буженины. — Кстати, о том вечере, когда ты меня увольнял... ты только не взбрыкивай снова, мне правда интересно. Что бы ты сказал своему поделщику, если бы выставил меня вон?

— Кому?

— Папеньке, вестимо.

— Владимир Петрович — человек разумный. В общем, он изначально не верил, что ты удержишься в полиции.

— Да неужели? — цедит Анна.

— Его идея состояла в том, чтобы отправить тебя на один из его заводов. Но тут перед нами возникало две сложности. Первая — твое возвращение в Петербург. Вторая — паспорт. Мой вариант сложнее, но зато сулит больше выгоды в будущем. Так что, уволив тебя, я бы сказал правду: ты уничтожаешь улики и разрушаешь работу моего отдела. Владимир Петрович принял бы это объяснение, поскольку и сам в своих цехах не допустил бы подобного. Ну а высшие полицейские чины только вздохнули бы спокойно: пусть Аристов сам за свою дочурку

теперь отвечает, с них взятки гладки. Они бы не стали затевать волокиту с твоей высылкой. Тебя, вероятнее всего, прямо из служебного общежития отвезли бы к отцу, а дальше, как Владимир Петрович изначально и предлагал, завод.

— И я бы там зачала, — ежится Анна. — И почему, скажи на милость, я бы не удержалась в полиции?

— Потому что ты ненавидела полицию в целом и меня лично. Мы с Владимиром Петровичем этого ожидали и опасались, что ты не справишься со своими чувствами. Но ты очень цепко ухватилась за единственный шанс и даже не представляешь, как меня это восхищает. Нет ничего безнадежнее, чем спасать того, кто не желает быть спасенным. Силы воли тебе не занимать.

Анне хочется вернуться в кабинет и записать на бумаге: она восхищает Архарова. После стольких лет всевозможных унижений слышать сие невероятно приятно.

Тут ее осеняет новая идея: а не стали ли желания Архарова следствием его роли спасителя? Надзирателя и доносчика, шепчет злопамятный внутренний голос. Ну вроде как ты привязываешься к кутенку, которого подобрал на улице. Или, бывает, что тюремщики привязываются к пленникам... Нет, если продолжать в том же духе, они снова схлестнутся.

— Правда, наша служба — это как преступления наоборот, — Архаров ухмыляется. — Азарт и риски те же, только в итоге тебя не ждет каталажка. Так что тут сыграла ставка на некоторую авантюризм твоей натуры.

А вот это уже не так приятно.

— Понятно, — сухо отзывается она. — Покажешь мне ванную? Туда мне тоже следует взять щипцы для сахара?..

Лежа в горячей воде, Анна мечтает об одном: принести сюда свои инструменты и как следует затянуть все разболтанные узлы и заменить все манжеты на новые.

У Архарова не самая широкая кровать, и Анна стоит перед ней, кутаясь в слишком большой для нее халат. За дверью плещет вода. За окном идет снег. Пар-буржуйка пышет жаром.

Она как будто попала совсем в другую, незнакомую действительность, где ей предстоит лечь в постель с мужчиной. Они ведь так давно знакомы — и знают друг про друга слишком много и слишком мало. Она считается погубленной, а он делает блестящую карьеру.

Это неправильные и глупые отношения, которым суждено всегда оставаться в тайне. Возможно, Архарову и простят то, что он путается с поднадзорной, но только до тех пор, пока не грянет громкий скандал. Коих, по словам Голубева, Зарубин боится как огня.

Отчего она снова выбрала неподходящего мужчину?

С чувством, что совершает непоправимую ошибку, Анна решительно сбрасывает халат и забирается под толстое ватное одеяло. Ждет и гадает: а какой мужчина для нее подходящий? По словам Началовой, приличный к ней не приблизится, а неприличного отец не подпустит к Анне и на пушечный выстрел. О, она больше не строит иллюзий, что обрела независимость от него. Этого, судя по всему, никогда не случится.

Завтра ее ждет такой тяжелый разговор, а сегодня — вот Архаров возвращается к ней — Анну ждет долгая ночь. Которая обещает быть очень жаркой, ну, если только они не начнут снова разговаривать.

С разговорами у них пока выходит куда хуже, чем с блудом.

ГЛАВА 09

Анне открывает совершенно незнакомый слуга — в неброской, но качественной ливрее. И в этом легко читается неприязнь отца к любого рода напыщенности.

— Владимир Петрович ждет вас в столовой, — сообщает он.

Родной дом вызывает смешанные чувства. Кажется, что она здесь чужая, неуместная, но в то же время Анна узнает каждую мелочь: привычные запахи, скрип паркета, пейзажи на стенах, тяжелые портьеры. Время в этих стенах сломалось, не работает.

Отец стоит у окна, заложив руки за спину, — прямой, широкоплечий, высокий. Анна застывает на пороге, вглядываясь в резкий профиль: даже старея, великий Аристов не теряет своей сдержанной красоты.

— Аня, — он оборачивается, смотрит на нее тяжело, хмуро, внимательно. Морщины обрели глубину и выразительность, седина серебрится в некогда черных волосах.

Она не двигается и не отвечает, парализованная этой встречей. Сердце как будто замедляется, бьется тихо-тихо, боясь спугнуть и без того напуганную Анну.

Молчание затягивается — никто из них не спешит нарушить его первым. Отец способен подолгу пытаться людей суровыми взглядами, и привыкнуть к этой его манере невозможно.

Остается только вести мысленный счет, ждать и надеяться на лучшее.

— Признаться, я удивлен, — заговаривает он, когда Анна доходит до ста тридцати семи. — Думал, тебе понадобится куда больше времени, чтобы вспомнить дорогу в свой дом.

— Я не была уверена, что ты захочешь меня видеть, — коротко объясняет она.

— Чушь! — безапелляционно обрывает ее отец. — Ты просто не осмеливалась показаться мне на глаза.

— Ты отрекся от меня на суде, — возражает она, впрочем, заранее понимая абсурдность своих резонов.

— А чего еще ты ожидала, Аня? — сухо спрашивает он. — Ты знаешь мою прямогу, так что скажу как есть: не может быть ни одной достойной причины, по которой ты спуталась с этой преступной шайкой. Кажется, ты не нуждалась в деньгах, у тебя было образование, имя, положение. Нет слов, чтобы выразить мое глубокое разочарование, но я не намерен обсуждать прошлое, это бессмысленно. Поэтому садись за стол, и мы поговорим о твоём будущем.

Анна переводит дух, старается двигаться без суеты, однако от облегчения тело ее плохо слушается. Самое страшное миновало: если отец обещал больше не возвращаться к ее прегрешениям — значит, эта тема больше не поднимется. Она легко отделалась.

Обед накрыт по обыкновению простой и полезный: куриный суп, отварная рыба, ломтики свеклы с хреном, ржаной хлеб. Кажется, за годы ее отсутствия отец стал еще большим аскетом, чем прежде.

— Мое будущее выглядит понятным, — тихо произносит Анна, голос плохо ее слушается. — Честно служить в полиции, чтобы однажды вернуть себе паспорт.

— Сложно поверить, что Архарову удастся усмирить твой нрав, — скептически произносит он. — К сожалению, материнская кровь в тебе слишком сильна, она подталкивает тебя к разного рода безрассудствам.

— Александр Дмитриевич ловко чередует кнут и пряник, — отрешенно сообщает она. — Могу тебя заверить, что твердо намерена вести себя достойно.

Некоторые особо бесстыдные отрывки прошлой ночи касаются ее щек, и Анна торопливо тянется за компотом. Прямо сейчас она очень довольна тем, что прячет за пазухой такой огромный грязный секрет, — это позволяет ей чувствовать себя не слишком подавленной. Так в паровых машинах предусматривают клапаны — чтобы не рвануло.

Она справится с этим обедом, потому что точно знает: подчиненное, виноватое положение, которое приходится занимать перед отцом, не вся ее суть. Есть в ней что-то еще, кроме раскаяния.

Впрочем, отец, скорее всего, прав: эта неистребимая греховность может быть единственным наследством от матери.

— Ты вернешься домой? — спрашивает он.

— Нет, — довольно твердо отвечает она и настороженно замирает. Что последует? Возражения? Приказы? Равнодушие? — Я снимаю угол у хорошего человека, мне там хорошо.

— Нашла компанию себе по нутру? Бывшая сиделица и отец сидельца, — он выбирает насмешку.

— Ты тоже отец поднадзорной, — как можно спокойнее напоминает она.

— Верно, — усмехается он. — Но не думай, что Аристова так легко спихнуть в канаву. За эти годы было много тех, кто поверил в мое окончательное падение и пожелал урвать свой кусок... Но я не смирился, нет, не смирился, — в нем пробуждается та страсть, которая привела его однажды к вершине. В глазах появляется нервический блеск, а голос приобретает стальной оттенок. — На неделе, Аня, у меня назначена аудиенция у Его Императорского Величества. Вот увидишь, я верну всё свое сторицей.

Она невольно улыбается, горький ледяной ком в груди начинает таять. Таким — увлеченным, немного сумасшедшим — Анна всегда невозможно любила отца.

— Стало быть, у тебя такие же цели, как и у меня. Вернуть то, что ты потерял. Это забавно.

У него чуть подрагивают уголки губ, что означает скрытую улыбку и раздражение из-за этой улыбки.

— Жизнь — это взлеты и падения. — Он философски пожимает плечами. — Отлучить меня от военных заказов оказалось проще, чем найти другого инженера, способного отвечать вызовам времени. Все эти годы они выезжали на моих прежних разработках, но я готов предложить нечто принципиально новое... Государю придется выслушать меня, несмотря на всю возню вокруг этой кормушки. И вот что меня огорчает, Аня: на своем месте в полиции ты погрязнешь в рутине. Будешь снова и снова возиться со взломанными сейфами, пока твой ум не сточится от скуки.

— Покамест скука мне не грозит. Ты же знаешь, папа, что я не способна к изобретательству.

— Ты понятия не имеешь, на что способна, а на что нет, — вспыхивает он. — Потерять столько лет, это невосполнимая утрата...

Отец стискивает зубы, и гнев проступает на его лице желваками, неровными красными пятнами.

— Пустое, всё пустое, — бормочет он, пытаясь успокоиться. — Что толку ворошить... Мне иногда кажется, что у меня сердце разорвется от обиды, — вдруг жалуется он, комкая салфетку. — Тебе уже почти тридцать, Аня, — и посмотри на себя. Живешь у чужих людей, служишь младшим механиком, я уж не говорю о собственной семье... Невыносимо.

Она опускает глаза, не в силах смотреть сейчас на него. Пожалуй, таким жалким ей довелось видеть его лишь однажды — после побега мамы. Тогда она ненавидела предательницу, а потом сама ранила отца не меньше. Может, даже глубже.

— Постарайся, по крайней мере, служить хорошо и выбраться из полицейского болота побыстрее, — требует он глухо.

— Конечно, — поспешно обещает она.

— И вернись домой.

— Папа, нет.

Он вскидывает голову, а вена над правым глазом набухает. Но отец только спрашивает:

— Почему?

Она могла бы сказать ему, что ни один узник добровольно не вернется в темницу. Но это бы только опрокинуло их в далекое прошлое, к невнятной записке и пустым маминим комнатам.

— Твое предложение запоздало, — это тоже безжалостность, просто иного рода. — Теперь моя жизнь неплохо устроена, и я не хочу ее менять.

— Ты всегда знала, где меня найти, — указывает он. — Тебе было достаточно лишь постучать в эту дверь.

— А вот моя гордыня — это твоя заслуга, папа.

Он фыркает, крайне недовольный, но будто бы и польщенный, сдается:

— Поступай как знаешь. Воспитывать тебя уже поздно.

Они замолкают, вдруг увлекшись обедом.

— Ты сменил повара? — без особого интереса спрашивает она.

— Вовсе от него отказался. Мне стряпает экономка. К чему держать много прислуги в пустом доме?

Анна притворяется, что не слышит укора, и меняет тему:

— Скажи мне вот что: деньги, которые я получила от графа Данилевского, — тоже твои?

— Какие деньги?

Анна достаточно знает отца, чтобы поверить. Значит, и правда награда за работу. Хоть что-то.

— Просто деньги, — бормочет она. Такие низменные вещи отца мало интересуют, он уже погружен в свои размышления.

За открытыми настежь дверями слышатся голоса, быстрые шаги — и в столовую влетает пожилой мужчина: цигейковая шапка лихо сбита на одно ухо, в руках объемный саквояж, а таких пелерин в Петербурге этой зимой не носят.

Он невысок, приятно округл, румян и явно взволнован.

— Владимир Петрович, уж не обессудьте, я к вам сразу с поезда... Нетерпение, друг мой, нетерпение не позволило мне и дальше оставаться в Москве, я вчера же прыгнул в ночной поезд и был таков! — тараторит он.

— Дмитрий Осипович? — изумляется отец, поспешно вставая. — Голубчик, да я вас раньше вторника и не ждал.

— Я и сам себя не ждал, — смеется гость, разоблачаясь и вручая слуге верхнюю одежду. — Вы-то, поди, спокойно спите по ночам, а я прежде государя императора только издали видал, да и то мельком! Экая оказия — эта аудиенция.

— Позвольте представить вам мою дочь, Анну. Аня, это Дмитрий Осипович Архаров.

— Как? — у нее совершенно не светски распаивается рот, и она едва не опрокидывает приборы, вскакивая.

— Сердечно рад, сердечно рад! — и румяный старик по-московски вольно целует ее в щеки. Она настолько ошарашена, что превращается в тряпичную куклу в его руках.

Не может быть, чтобы у ее черствого, застегнутого на все пуговицы шефа был такой бойкий и добродушный отец! Да нет, однофамилец, откуда бы ему тут взяться...

— Я вечером к Сашке, — продолжает тараторить тот, — чай, пустит незваного гостя! А пока привез докладную записку, хочу, чтобы вы взглянули свежим взглядом, авось поправите что-то! Обед будет чрезвычайно кстати, чрезвычайно!

— Фома, еще один прибор, — велит отец в пустоту холла.

Невероятно заинтригованная, Анна слабо интересуется:

— Как же так вышло, что вы оба собираетесь на одну и ту же аудиенцию?

— Батюшки! — господин Архаров всплескивает руками. — Неужели, Владимир Петрович, ваша дочь не знает о нашем грандиозном проекте? До чего вы скрытный тип, право слово!

— Это долгая история, — уклоняется отец от ответа.

— Да-да, — гость хмурится, очевидно припоминая некоторые подробности. И тут же снова сияет улыбкой: — Речь идет о первом в мире ледоколе-грузовозе для быстрейшего покорения Арктики.

— Арктика, — повторяет Анна. — Ну конечно. Ваш сын, Арсений Дмитриевич, говорил мне, что вы состоите в Русском географическом обществе... Я ведь верно понимаю, — тут же уточняет она, — что это ваш сын?

— Арсений — сын, — с удовольствием подтверждает он. — Есть у меня такой. Вы познакомились с ним во время возмутительного вояжа в Москву, когда мой другой сын даже не потрудился заглянуть домой? Боже, моя дражайшая супруга даже отказалась от десерта, до того огорчилась.

— Расскажите мне подробнее о своем прожекте, — просит она, снова усаживаясь.

Слуга приносит столовые приборы, и господин Архаров с энтузиазмом берется за рыбу.

— Александр Дмитриевич свел нас лет пять назад, — поясняет отец. — Дмитрий Осипович грезит покорением Арктики, ну а я — возвращением к военным приказам. Вот мы и сошлись...

— Движимые патриотизмом и амбициями, — поддакивает господин Архаров. — Пока Владимир Петрович корпел над чертежами, я искал союзников в министерствах, боролся с бюрократией и старовеерами, уверенными, что эти льды ничем не пробить.

— Так и есть, — убежденно произносит Анна. — Я покинула станцию «Крайняя Северная» до окончания навигации, иначе бы мне пришлось или ждать там весны, или выбираться ездовыми собаками. Что это за чудо такое ты спроектировал, отец?

— Три паровые машины тройного расширения, работающие на три винта, — перечисляет отец увлеченно. — Корпус из стали особой закалки, которую льют только на моих заводах. Двойное дно, ледовый пояс по ватерлинии, закругленные обводы... Проще будет, если ты просто взглянешь на чертежи.

— И мою докладную записку, — встревает господин Архаров, надувает щеки и важно цитирует: — «О стратегическом значении Северного морского пути для Российской Империи в XX веке». Текст, полный исторических параллелей от поморов до Великой Северной экспедиции, а также геополитики. Мы обещаем сокращение пути в Сибирь и на Дальний Восток в два-три раза, освоение природных богатств...

— Если это так, — приходит в замешательство Анна, — то государь должен принять вас с распростертыми объятиями.

— Анечка, вы даже не представляете, сколько усилий мне понадобилось, чтобы наш проект вообще попал к нему на стол! — восклицает господин Архаров. — Уж очень сильны в этом деле иностранные монополии! Даже министр финансов — до чего прогрессивный человек, а и тот вставляет нам палки в колеса.

— Потому что нам нужно полтора миллиона рублей, — смеется отец. — На которые очень много желающих.

— Сколько? — у Анны даже голос садится.

Тут и господин Архаров покатывается со смеху.

Анна задерживается дома до самого вечера, разглядывая чертежи и документацию. У нее дух захватывает от масштабности замысла.

— Вот чем ты должна заниматься, — в какую-то минуту шепчет отец, указывая на эскиз, — вот какой должна быть твоя жизнь.

— Нет, — шепчет она ответ. — Такую жизнь способен прожить только ты. Я другая, у меня всё другое.

И он вдруг крепко сжимает ее пальцы.

На прощание отец велит являться каждое воскресенье к обеду.

— Но это единственный день, когда у меня есть время на библиотеку, — протестует она, однако без излишнего пыла. Ей страшно, что он отзовет это предложение. Ей хочется видеть его и в будущем.

— Я предоставлю тебе столько научной литературы, сколько ты сможешь проглотить, — обещает он.

Вместе с Дмитрием Осиповичем они делят один пар-экипаж на двоих. Анна испугана тем, в какую огромную политическую интригу встряли оба отца, — потому что она легко может стать мишенью для их недругов.

Дочь-поднадзорная — это очень сильный козырь против инженера Аристова. С другой стороны, всю свою жизнь он провел в этой борьбе и сегодня снова доказал, что так просто его не сбросить с доски.

И всё же ей страшно, тревожно. Архаров безумец, раз впустил ее в свой дом прошлой ночью. Достаточно одного пронырливого журналиста, подкупленного жадным чиновником, и отец уже больше никогда не простит ее. Она не может обрушить его жизнь снова.

— Анечка, мы вам совсем голову заморочили, — сетует Дмитрий Осипович. — Вы стали такой тихой.

Несколько секунд она непонимающе глядит на него, мечтая поскорее оказаться дома, в родной кровати. Кто перед ней? Где она? Что опять происходит?

— Пытаюсь предугадать, скажется ли ваша затея на моей судьбе или обойдется как-нибудь, — медленно признается Анна. — Думаю, вы слышали о том, в каком я нынче статусе. Поднадзорная в полиции, — только представьте эти заголовки.

— Ну к чему кошмары на ночь, — качает он головой. — Стоит ли переживать о том, чего еще не случилось?

Анна не спешит разделять его беззаботность. Все так переплелось — ночь, день, Архаров, отец, еще один отец. Ей бы поспать, а потом попробовать всё обдумать — ну или хотя бы просто поспать.

Пока она способна лишь изнеможенно радоваться, что самое сложное — встреча с отцом после многолетней разлуки — осталось позади. Он разочарован — ожидаемо. Он не будет слушать никаких объяснений — вполне в его духе. Но он не отверг ее, вот за что следует держаться.

— Не переживайте вы так, — снова пытается ее утешить господин Архаров. — Насколько я знаю своего сына, который Александр, он весьма верткий тип. Ваш статус при должном умении можно и в достоинство обернуть. Дочь великого инженера, искупающая свою вину верной службой в полиции... Ба! Да мой Сашка из вас ещё героиню слепит.

Она глядит в пронзительные, умные серые глаза и на мгновение забывает, с каким из Архаровых сейчас разговаривает.

ГЛАВА 10

Во сне Анна летает.

Она просыпается от запахов и звуков — Зина на кухне печет блины, Голубев варит кофе.

И так хорошо лежать под теплым одеялом, глядя на живописные морозные узоры на окнах. На улицах еще темно, и желтые фонари подсвечивают эти завитушки ржавым золотом.

Анна и сама не понимала, какую тяжесть носила в себе, пока наконец ее не сбросила. Страх потерять отца навсегда, жгучая горечь после его отречения, застарелая обида, что свои железяки он любит больше дочери, — все эти колючки незаметно, но неумолимо подтачивали ее силы год за годом.

Теперь, пожалуй, она сможет смириться с тем, что отцовская привязанность навсегда останется сдержанной и полной ожиданий, которые Анна уже вряд ли оправдает. Он резкий,

деспотичный, не терпящий возражений — таким и останется. Она плохая дочь, приносящая разочарования и огорчения, — и память о ее ошибках никуда не исчезнет. Но, пожалуй, у них получится наладить кое-какие отношения — не идеальные и полные тепла, однако единственно возможные при их характерах.

Эта мысль дарит робкую надежду, и Анна потягивается, чуть приподнимает голову, смотрит на часы и решает, что у нее еще есть для лени несколько минут.

Тем более что после сложной и долгой ночи у Архарова родная кровать будто в три раза мягче. Анна так и не смогла сомкнуть глаз, кожей, костями, звенящими нервами ощущая чужое присутствие рядом. Спать с Архаровым — не то же самое, что в обнимку с Зиной. Это практически невозможно — особенно после прозябания в казенном ночлежном доме № 7, где даже дверь не закрывалась. Не то чтобы она ожидала от Архарова нападения, но определенно не доверяла ему настолько, чтобы беззаботно дрыхнуть рядом.

И все же она не жалеет, что осталась в его доме до утра. Каким-то невероятным образом после этого она ненавидит себя чуть меньше.

— Аня, пора вставать, — Зина заходит в комнату, красивая, пышная, в нарядном фартуке. На месте Прохорова Анна непременно наплевала бы на службу и женилась на такой.

Она тянется к Зине, как маленькая поднимает руки, ищет объятий. Та смеется, гладит ее изрядно отросший пушок на голове, говорит весело:

— Если ты и дальше собираешься гостить у старых друзей, то не теряй головы, милая. Мужчины нам не по карману, уж поверь опытной акушерке.

— Какие такие мужчины? — Анна прижимается щекой к ее животу, прикрывает глаза.

— Любые мужчины.

— Твоя правда.

Сейчас об этом не хочется думать. Нельзя же беззастенчиво пользоваться Архаровым всякий раз, когда ей беспокожно. Он прав в одном: она не видит в нем человека и не думает о его чувствах.

А видела ли Анна человека в Саше Баскове или он тоже выступал для нее только приятным слушателем, которому так легко было изливать свои печали?

Что такое Архаров вообще? О чем он думает? Чего хочет? О чем тревожится?

Она совсем не уверена, что хочет взломать этот сейф.

В холле конторы — большие деревянные ящики, перед которыми стоит Архаров, задумчиво покачиваясь с пяток на носки.

— Анна Владимировна, подите сюда, — зовет он.

Она недоуменно двигается к нему, здоровается с дежурным Сёмой, разглядывает ящики. Отчего на них знакомые вензеля «ВА»?

— Кажется, ваш отец доволен вчерашним обедом, — негромко замечает Архаров, — доволен вами и, стало быть, мной. Коли уж он прислал новое оборудование для отдела СТО.

— Неужели? — изумляется она. — И мы знаем, что оно собой представляет?

— Понятия не имею. Еще не успел ознакомиться с сопроводительными документами. Извольте посмотреть первой?

Она берет тяжелую папку, открывает ее, читает:

— «Машина для составления портретов (ликограф). Предназначена для замены кустарных рисованных портретов. Принцип действия: проекционное совмещение стеклянных позитивов в единое изображение. Полученное изображение пригодно для немедленного кодирования в систему определителя. К машине прилагаются отдельные позитивы с контурами головы, наборами глаз, с носами, ртами, бровями, ушами, линиями волос, усами, бородами...»

— Не может быть, — выдыхает Архаров потрясенно. — Если это то, о чем я думаю, то мы сэкономим кучу времени на работе художников. Главное, чтобы работало!

— Это будет работать, — уверенно заверяет его Анна. — Как и всё остальное, что производит мой отец.

Она гладит ящик, понимая, сколько сил и времени ушло на такую машинку — месяцы! Возможно, Анна еще даже в Петербург не вернулась, когда отец впервые задумался над ликографом, однако передал его только сейчас. А если бы она вчера не пошла на обед? А если бы рассорилась с ним окончательно? Архаров так и не получил бы новую игрушку? Ну почему во всём столько смыслов!

Ей не терпится вскрыть ящики и внимательно разглядеть, потрогать, собрать их содержимое. Но Архаров не дает таких распоряжений, распушается, как павлин, небывалой гордостью.

— А я всегда знал, что вы станете чрезвычайно полезным приобретением для моего отдела, — заявляет он самодовольно. — Ликограф, ну надо же!

Это редкий случай, когда он ведет себя как мальчишка, и Анна с улыбкой ехидничает:

— Ваша дальновидность сражает наповал. Если подумать, я совсем недавно перестала планировать разрушить ваш отдел до основания.

Архаров смеется — для разнообразия в полный голос. На него оглядываются, а уши дежурного Сёмы как будто увеличиваются сами по себе.

— Я разберусь с этой машиной, — вызывается Анна, пока они не пробудили новой волны сплетен, — а потом обучу Ксению Николаевну. Но разве можно уместить их вместе с определителем в кладовке? Ликограф туда определенно не влезет.

— Вы правы, понадобится больше места, — рассеянно соглашается Архаров, проводит пятерней по коротким волосам, будто смывая с себя всё веселье, и спрашивает: — Ну а вы-то как пережили воссоединение с родителем?

— А разве ваш батюшка вам не доложил?

— По его словам, девица была тиха и интересовалась исключительно чертежами. Что не говорит о вашем душевном состоянии ровным счетом ничего. Вы, Анна Владимировна, в любом настроении и в любой ситуации готовы забыть обо всём, если видите схемы... ну, или расшатанные регуляторы тяги.

Она вспыхивает, вспоминая щипцы для сахара — и остальное, до и после.

— Просто стыдоба, что у начальника самого передового отдела полиции, домашние дела находятся в таком запустении!

— Я куплю вам новые инструменты, — обещает он с той многозначительностью, которую Анна отныне и впредь твердо намерена избегать.

— Ксения Николаевна! — восклицает она, благо Началова как раз входит в контору. — Идите скорее к нам, тут пришло оборудование как раз по вашей части...

Поднимаясь на планерку, Анна всё еще мысленно посмеивается над той досадой, с которой Архаров ретировался от ящиков.

И всё же лучше бы ей перестать получать удовольствие от подобных игр.

Медников входит в начальственный кабинет с толстыми гроссбухами в руках.

— Это еще что? — тут же спрашивает Архаров.

— Сейчас всё разложу по порядку, — бодро вытягивается в струну молодой сыщик. — Новости по делу богадельни, — размеренно начинает он, и в голосе появляется вальяжная ленца. Подражает Прохорову? — Итак, в пятницу мы арестовали вашего, Александр Дмитри-

евич, убийца и двух попов — одного приютского, второго из Рождественского храма. Попы молчат на допросах, как и Курицын. А вот убийца разговорился...

— Да они мальчишку к вам подослали, — вмешивается Прохоров. — Видимо, решили, что невелика трудность — зарезать за пятьдесят целковых какого-то купчишку.

Медников слушает его с плохо скрываемым расстройством. Ему хочется ловить крупных щук, а не мелкую рыбешку.

— И что же поведал сей фрукт? — спрашивает Архаров.

— То же, что и ваш таинственный информатор, — отвечает Медников, и Анна соображает, что речь идет о графе Данилевском. — В сиротском приюте его обучили разным штукам — кошелек у нужной особы срезать, барышню соблазнить или вот зарезать кого, если понадобится. Словом, обычный мазурик, ничего солидного. А задания ему выдавали священники — оба. И тут мы с Григорием Сергеевичем сообразили: а ведь мы обыскали весь приют, но в часовню заглянуть не посмели.

— И как, на сей раз посмели? — Архаров даже вперед подается, до того его захватывает история.

— Так точно. И вот — нашли списки. В одной книге имена и цифры, а в других — полная тарабарщина.

— Это как?

— Я покажу, — снова вступает Прохоров. — Тут всё в строгом порядке. Вот, например, девица Мария Иванова, которую десять лет назад доставил в приют унтер-офицер Сахаров.

— Кусачая девица из поезда! — ахает Анна. — Бежавшая из Твери!

— А дальше — номер 136А. Открываем следующий гроссбух и находим сии цифры. Вот, тут закладочка. И пожалуйста: тарабарщина!

Толкаясь головами, все склоняются над листами.

Действительно, шифр. Буквы русские, а вот порядок их нарушен.

«136А. ивацед нечьо саанпо ечуанбо боанлз холоп ялвамерпу льерабтс авотеинхеф дья озльтавоопси йаенрк ороонжтсо в летиучхынльккси ачухялс 8831 елваеинрто нащикем окинтйовроб ечалонпо ежумм 501 лбйеур 8851 одг ртслевь в дрецес фараг кснегоомак ечалонпо нормоаб грмоаб 002 лбйеур».

— Наверное, для этого нужно искать ключ, — взволнованно говорит Началова. — Что это может быть? Псалтырь?

— 136А. Девица. Очень опасна, — медленно произносит Анна скучным голосом. — Обучена. Злобна, плохо управляема. Стрельба, фехтование, яды. Использовать крайне осторожно, в исключительных случаях. 1883 — отравление мещанки Бортниковой, оплачено мужем. 150 рублей. 1885 год — выстрел в сердце графу Каменскому. Оплачено бароном Бергом. 200 рублей...

Она замолкает, потому что дальше много еще написано. Тут лучше использовать бумагу и ручку. И только потом замечает, какая гробовая тишина царит в кабинете.

— Что? — хмурится она. — Это же простейшая детская загадка! Слоги меняют свои места, буквы в них тоже... Я такие ребусы в семь лет щелкала!

— Кхм, — откашливается Архаров, у него сложное лицо, будто он снова готов распушить хвост и восхвалять себя за дальновидность.

Значит ли это, что она хорошо себя проявила? По крайней мере, все вокруг выглядят впечатленными.

— Грандиозно! — выражает общее мнение Медников.

Это немного нелепо — отец часто писал разные записки потехи ради, за подобные глупости ей прежде получать похвалы не приходилось, и Анна только кивает в ответ.

— Тогда, может, кто-нибудь мне скажет, зачем Курицын готовил убийство в поезде? — возвращает всех на землю Архаров. — И почему труп так нарочито обезображен? Если хотели убрать девицу по-тихому, не проще было ее скинуть в овраг? До весны бы не нашли.

— Я заберу эти книги, — отвечает Анна, — может, там есть ответы.

— Но позвольте, это моя работа, — тут же возражает Началова. — Если вы объясните мне принцип замены, я справлюсь.

Это еще лучше, можно заняться ликографом.

— Александр Дмитриевич, а не пора ли вам к Зарубину? — ласково произносит Прохоров. — Брать эту шайку-лейку целиком?

— И правда, пора. А вы, Григорий Сергеевич, подготовьте покамест шумиху в газетах, да такую, чтобы весь месяц только об этом и кричали на всех перекрестках.

Да уж. На фоне такого скандала история про поднадзорную в полиции, вздумай ее кто вытряхнуть на свет, явно померкнет. Отцы успеют на свою аудиенцию без лишнего шума.

И тут Анна задумывается: а когда, собственно, эта аудиенция была назначена? Или, что важнее, когда Архаров о ней узнал? Повлияло ли это на его решение все-таки забросить невод?

Еще две недели назад он благодарил ее за нежелание становиться его любовницей и просил удержать их обоих от этой связи. А в субботу встретил со вполне определенными намерениями.

Вопрос: что же изменилось за это время? Кроме того, что ее отец вот-вот снова вернет себе императорскую милость?

Вот бы на сей раз она прочитала Архарова верно! Нет ничего хуже, чем нелогичные поступки от разумного человека. А Анна терпеть не может путаниц.

Она едва успевает открыть отцовскую папку с детальным описанием ликографа, как в мастерской появляется Началова.

— Анна Владимировна, я опять запуталась, — едва ли не со слезами жалуется она.

— Идите сюда.

Петя вдруг приходит в движение, расчищает место для гробсбуха на столе Анны, подносит стул, предлагает чаю.

Ого, какие вдруг в мальчишке манеры пробудились!

Но Началова — холодна. Она принимает ухаживания неохотно, старается держаться ближе к Анне. Ей явно неуютно в царстве мужчин, где хорошенькая барышня привлекает к себе слишком много внимания.

— Меня переводят вниз, к вам, — сообщает она печально.

— Куда к нам? — не понимает Анна.

— Да за стену буквально, — досадует Началова. — Мол, я не помещаюсь больше в кладовке у сыщиков. Теперь мое место в кладовке механиков!

Голубев вдруг роняет отвертку, выпрямляется над верстаком, в глазах чуть ли не слезы.

— Моя механическая кунсткамера? — неверяще спрашивает он. — Я годами собирал в ней разные редкости! Что же это теперь... на свалку?

— Бог мой, я обязана это увидеть! — загорается Анна.

Началова протестует, но она безжалостно оставляет ее чаевничать с Петей, а сама следует за старшим механиком.

Они выходят из мастерской, Голубев звенит ключами, открывая дверь дальше по коридору. И вот — они оказываются в просторном помещении, заваленном всяким хламом. Тут и старые инструменты, и поломки, ждущие ремонта, и бытовые сокровища.

— Вот этот регулятор, Анечка, с «Вулкана» семидесятого года, редкая штука, нигде таких не делали... Куда его? — бормочет он. — А вот тут, поглядите-ка, истиномер.

— Что, простите? — изумляется она.

Он достает с полки латунный барабан, от которого, как щупальца, тянутся прорезиненные трубки.

— Потешная штука, — ласково произносит Голубев, — проходил у нас по одному делу. Я, признаться, приобщил его к уликам, но в архив не решился сдать. Всё думал доработать...

— И как же оно мерит истину?

— Вот эта манжета крепится на запястье и реагирует на изменения пульса. Резиновый пояс-пневмограф оборачивается вокруг грудной клетки и считывает глубину дыхания. Ну и мембрана для тембра голоса.

— И почему оно не в допросной? Не работает?

— Сочли ненадежным, — вздыхает Голубев. — Григорий Сергеевич убедил всех, что оно показывает только волнение или испуг допрашиваемого, а никак не правду.

Анна замороженно касается датчиков. Что за изумительный день! Столько всего нового, увлекательного — да она неделями так много диковинок не видала.

— Виктор Степанович, — она умоляюще прижимает руки к груди, — заклинаю вас, дайте мне этот истиномер ненадолго? Обещаю вернуть в целости и сохранности!

— А! — он торжествующе поднимает палец. — И вас разобрало? Я же говорю, удивительные редкости тут спрятаны. Может, попросить Александра Дмитриевича найти для них место? Аж сердце болит, как подумаю, что придется проститься с моей коллекцией.

— Попросите, — убежденно соглашается она и тянет латунный барабан к себе. Тяжелый, ух!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.